

Татьяна
Корсакова

Мы, я
и Париж

Любовь и тайна

Татьяна Корсакова

Ты, я и Париж

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсакова Т. В.

Ты, я и Париж / Т. В. Корсакова — «Автор», 2015 — (Любовь и тайна)

ISBN 978-5-699-83818-9

[<p id="__GoBack">](#)Когда Ян из подслушанного разговора врачей узнал, будто жить ему осталось всего ничего, молодой человек понял – надо перестать мечтать о Париже, а немедленно туда ехать! Решено – сделано, тем более и попутчица нашлась – девушка Тина, любительница готических нарядов, похожая на диковинную черную птицу. Но ни Ян, ни Тина и догадываться не могли, какие испытания им уготованы в древней столице любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83818-9

© Корсакова Т. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть 1. Увидеть Париж...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Корсакова

Ты, я и Париж

© Корсакова Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Часть 1. Увидеть Париж...

Любопытство сгубило кошку. Так говорят. Яна тоже сгубило любопытство. Или любопытство ни при чем? А впрочем, что уж теперь?..

Он всегда был крепким малым, за все свои тридцать два года ни разу не болел ничем серьезнее простуды. Он думал, так будет всегда. А месяц назад началось это...

Когда подружка Алина жаловалась на головную боль, Ян сочувствовал: делал ей расслабляющий массаж, мотался в круглосуточную аптеку за таблетками, терпеливо выслушивал стоны и жалобы, но до конца весь масштаб проблемы не понимал. Ну, болит голова, ну, подумаешь! Поболит и перестанет, не велика печаль!

Оказалось, что велика. Оказалось, что головная боль – это очень серьезно и очень неприятно. Особенно когда это ТВОЯ головная боль.

Началось все с похмелья. Накануне они знатно отметили тридцатилетие Шурика, лучшего друга и делового партнера по совместительству. В вопросах развлечений Шурик не ведал компромиссов и если уж расслаблялся, то по полной программе. А тут тридцатник, круглая дата – сам бог велел!

Расслабились они с Шуриком так знатно, что наутро Ян не помнил почти ничего из случившегося минувшей ночью. Последним более-менее ясным воспоминанием была стриптизерша, зависшая на шесте в такой диковинной позе, которую Ян даже на трезвую голову не решился бы повторить. А дальше полный провал: выплясывающий джигу под его бедным телом диван, раскачивающаяся люстра и адская головная боль. Люстра походила на его собственную, из чего Ян сделал вывод, что верный Шурик не бросил беспамятного друга в ночном клубе, а доставил домой. Это радовало, вселяло оптимизм и укрепляло веру в непоколебимость настоящей мужской дружбы. Вот только головная боль...

Черт! Разве может быть так больно?! Ощущение такое, словно черепушку набили ржавыми гвоздями и обрезками арматуры, а бедным Яновым мозгам совсем не осталось места. Ему даже думать было больно! И глазами двигать! А уж про то, чтобы встать с дивана, и речи не шло.

Он решил, что это похмелье, законная плата за хорошо проведенный вечер, что нужно просто подождать, и все само собой рассосется. Ну, может, само и не рассосется, но если процесс чуть-чуть ускорить, то уж точно.

В холодильнике нашелся кефир, предусмотрительно запасенный еще со вчерашнего дня. Ян выпил его залпом, недовольно поморщился от новой волны боли, вернулся на диван. Все, теперь осталось только ждать, когда рассосется.

Не рассосалось. Через два часа ожиданий стало только хуже, и Ян не выдержал, проявил душевную слабость. Убежденный противник всякой там «химии», он вдруг поймал себя на мысли, что мечтает о таблеточке аспирина. Американцы считают аспирин панацеей от всех бед. А вдруг и его маленькой беде таблетка поможет?

Хорошо, что Алина хранила свои неприкосновенные запасы лекарств в его квартире, доползти до ближайшей аптеки Ян бы, пожалуй, не смог. Он торопливо перетряхнул аптечку, отбросил в сторону пузырек с валерьянкой, с вождением наркомана в ломке выудил аспирин, вытряхнул на ладонь сначала одну таблетку, а потом после недолгих раздумий и вторую.

Аспирин был горьким и мерзким на вкус – «химия»! – но Ян проглотил его одним махом, даже водой запивать не стал. Все, теперь уж точно должно полегчать. А чтобы ускорить процесс, надо лечь, закрыть глаза и попытаться уснуть. Нет лучшего лекаря, чем хороший глубокий сон. Яну удалось уснуть – ничего удивительного после бурно проведенной ночи, – но проснулся он все с той же головной болью...

Вечером пришла Алина, не без злорадства понаблюдала за его мучениями, приготовила ванну, сварила крепкий кофе, заставила выпить еще одну таблетку аспирина.

Ян лежал в горячей, благоухающей тропическими фруктами воде и пытался убедить себя, что жизнь – прекрасная штука. У него есть любимая работа, денежная и, что немаловажно, интересная, лучший друг Шурик, готовый прийти на помощь по первому же зову, и подружка Алина, не задающая лишних вопросов, готовящая замечательный кофе и прекрасно разбирающаяся в обезболивающих препаратах...

К ночи Яна немного отпустило, он даже попробовал поработать. Но стоило только посмотреть на монитор компьютера, как головная боль тут же напоминала о себе весьма ощутимым уколom в висок. О работе пришлось забыть. И о том, что он настоящий мачо, тоже пришлось забыть: даже невинная попытка поцеловать Алину отдавалась в голове набатным звоном. В общем, из-за какой-то ерунды жизнь дала трещину...

Ян даже представить себе не мог, как все обернется. Не мог подумать, что банальная головная боль может пустить под откос всю его налаженную и привычную жизнь. На следующий день похмелье прошло, а боль никуда не делась. И через день, и через неделю... А через месяц Ян научился приспосабливаться. Теперь он не хуже, а то и лучше Алины разбирался в обезболивающих. Эмпирическим путем пришел к выводу, что чашка крепкого кофе может заглушить боль на тридцать минут, а пятьдесят граммов коньяку – аж на два часа, но потом, когда эти благословенные два часа пройдут, станет еще хуже. Теперь он знал, что лучше встать до шести утра, а не валяться в постели до восьми, потому что в противном случае весь день придется маяться от приступов мигрени.

Теперь он знал, что то, что с ним стряслось, называется мигренью. Слово красивое, а суть мерзейшая. Ян даже дошел до того, что предпринял попытку проконсультироваться по поводу своей хвори в Интернете, но оказалось, что врачи-консультанты заочно выносить вердикт отказываются, требуют выслать результаты обследований. А откуда взять эти результаты, если он в больнице не был с восемнадцати лет и боится этих самых обследований как черт лаdana?! Зато народ в Сети обитал понятливый и сердобольный. Яна завалили советами. Кое-что, самое безобидное, он попробовал воплотить в жизнь. Поставил кровать изголовьем на восток, чтобы не мешать потоку «правильных» энергий. Подушку набил хмелем и лавандой, полдня потратил на поиски этого зелья. По совету бывалых прикупил чудесный и жутко дорогой китайский эликсир, «возвращающий здоровье и приумножающий мужскую силу». Мужскую силу эликсир, пожалуй, и в самом деле приумножил, да что толку, если силушку эту применить на практике не было никакой возможности из-за адской головной боли?! Получалось не лечение, а сплошное мучение, когда глаз видит, да зуб неймет.

Алина сначала к его «минутной слабости» относилась с пониманием, сочувствовала, по голове гладила, ждала, когда «все пройдет». А оно все не проходило, и боевая подруга захандрила, однажды даже отважилась упрекнуть Яна в сознательном уклонении от супружеского долга. Яна это тогда не то чтобы очень обидело, но насторожило, впервые заставило задуматься об искренности и глубине чувств. Всего на каких-то пару месяцев вышел из строя, и вот, пожалуйста, – обвинения и необоснованные упреки.

Если с неразберихой в личной жизни еще можно было как-то мириться, тешить себя надеждой, что все наладится и станет как прежде, то бизнес подобных проволочек не терпел. Вернее, терпел, конечно, но до поры до времени, и нужно было во что бы то ни стало взять себя в руки и разрубить этот гордиев узел, пока не поздно.

На выручку, как всегда, пришел верный друг Шурик.

– Немиров, и долго ты собираешься маяться ерундой?

В тот день выдался один из немногих «светлых промежутков», когда голова почти не болела, а на горизонте брезжила робкая надежда, что все само собой рассосется. Они сидели

в маленьком чешском ресторанчике, Шурик баловался «Бехеровкой», а Ян – о, позор! – потягивал молочный коктейль.

– Коктейль – это не ерунда, это вкусно и полезно, – попытался отшутиться он.

– Я не о коктейле, я о твоей мигрени.

– А что моя мигрень?

– С ней надо что-то срочно делать.

– Я и делаю.

– Спишь ногами на восток?! – ехидно поинтересовался Шурик.

– Головой, – уточнил Ян.

– Ага, головой на восток! А еще пьешь варево из крокодильего помета.

– Если ты намекаешь на китайский эликсир, то там нет никакого крокодильего помета, там исключительно растительные компоненты.

– Да бог с ними, с компонентами, – Шурик вдруг нахмурился. – Немиров, тебе пора всерьез взяться за свое здоровье.

– У тебя есть предложение? – Ян допил коктейль, грохнул бокалом о стол.

– Есть, и не одно.

– Излагай.

– Для начала надо обследоваться.

– Зачем?

– Чтобы узнать, что у тебя болит.

– Я знаю, что у меня болит. У меня болит голова.

– А отчего она у тебя болит, ты знаешь?

– От переутомления и хронических стрессов.

– Немиров, кого ты пытаешься обмануть? – Шурик неодобрительно покачал головой, поправил сползшие на нос очки, сказал: – Значит, так, я уже обо всем договорился.

– О чем ты договорился? – насторожился Ян.

– Завтра идем делать тебе ядерно-магнитный резонанс.

– Какой-какой резонанс? – Слово «резонанс» еще с уроков физики вызывало в душе Яна активный протест.

– Это такое обследование. Ну, типа просветят твою башку и сразу все увидят, – пояснил друг.

– Что именно увидят?

– Да все! Сосуды, мозги, если они у тебя, конечно, есть. Что-то я последнее время в этом очень сильно сомневаюсь.

– А еще что? – Ян почувствовал неприятный холодок в животе.

– Ну, проблемы там всякие. Я ж не врач.

– Какие проблемы? Опухоль? – Слово сорвалось с губ, свинцовым шаром покатилося по столешнице, брякнулось о гранитный пол и рассыпалось на сотни мелких шариков.

Вот он и сказал то, о чем думал все эти дни и месяцы, то, чего подспудно боялся и из-за чего не хотел обследоваться. У молодого мужика голова не болит ни с того ни с сего. Должны быть причины...

– Ну почему сразу опухоль?! – замахал руками Шурик. – Что, других болезней мало?!

– Да, есть еще СПИД. – Холодок в животе усилился.

– Вот за что я тебя, Немиров, люблю, так это за неисправимый оптимизм! – Друг плеснул себе еще «Бехеровки». Пара капель упала на кипенно-белую скатерть, оставляя на ней некрасивые бурые кляксы. – Кстати, ты еще забыл упомянуть чуму и лихорадку Эбола. Ладно, Ян, не паникуй раньше времени, завтра в десять я за тобой заеду.

* * *

Шурик явился ровно в десять утра. Еще один тревожный признак – друг никогда не отличался пунктуальностью и умудрялся опаздывать даже на деловые переговоры, а тут такая точность.

– Готов? – Он, не здороваясь, протиснулся мимо Яна.

– А надо было как-то по-особенному готовиться? – Неожиданно для себя Ян испугался, что назначенное обследование может сорваться из-за того, что он не выполнил каких-либо подготовительных манипуляций. В конце концов, ночь не спал, настраивался на предстоящую экзекуцию, а тут Шурик со своим «готов»...

– Да нет, там главное требование, чтобы тело весило не больше центнера.

– Чье тело?

– Твое! Чье ж еще?! – Шурик окинул его оценивающим взглядом, спросил: – Ты сколько вешишь, Немиров?

– Килограммов восемьдесят вешу.

– Ну, тогда никаких проблем!

Хорошо другу говорить – никаких проблем. Ян шкурой чувствовал, что проблемы будут. Вот как только он посмотрит правде в лицо, согласится на обследование с жутковатым названием ЯМРТ, так и начнутся настоящие проблемы. Вернее, проблемы уже есть, но пока они безымянные, можно считать, что все это понарошку и вовсе даже не с ним происходит. В голове мелькнула упадническая мыслишка – а не послать ли все к черту? И Шурика, и его ЯМРТ! Несколько секунд Ян рассматривал этот вариант очень серьезно и пристально, но потом отмел как неконструктивный. Во-первых, от Шурика так просто не отцепишься, а во-вторых, Ян – мужик, а не тварь дрожащая, что ему какое-то там обследование?..

– Это оно? – Янс затаенным ужасом рассматривал машину, занимающую едва ли не половину просторной комнаты.

– Это магнитно-резонансный томограф. – Врач, с виду молодой и не слишком опытный, устало улыбнулся, видать, надоело отвечать на глупые вопросы.

– И мне туда? – Ян кивнул на машину.

– Да.

– Надолго?

– Минут на двадцать.

Ян поежился:

– Что-то холодновато тут у вас.

– Это кондиционер, аппаратура требует специального температурного режима.

Вот оно как: это чудо техники, похожее на сильно модернизированный саркофаг, требует особого режима, а ему, Яну, нужно всего лишь нырнуть в его хромированное чрево...

– Вас укроют пледом, – врач по-своему расценил его заминку, – холодно не будет.

– А результаты когда? – От мысли, что его перед загрузкой в машину завернут в плед, стало совсем худо.

– Почти сразу же. Подождете полчасика – и будут вам результаты. Ну, прошу вас, господин Немиров!

Изнутри машина не понравилась Яну еще больше, чем снаружи. Вдруг оказалось, что клаустрофобия – это реальная проблема, а не выдумки психиатров. Особенно когда у тебя нет возможности пошевелиться, а в уши льется размеренное пощелкивание, похожее на звук метронома. Внутри машины время, казалось, текло по-другому. Ян сначала пробовал считать про себя, но постоянно сбивался из-за чертового метронома. В конце концов он махнул рукой на

это неблагодарное занятие и решил просто расслабиться. Не с первой и не со второй попытки, но у него получилось, и к концу обследования он чувствовал себя почти нормально. Легкая дрожь в пальцах не в счет.

Когда Ян наконец выбрался из «саркофага», оказалось, что Шурик ушел.

– Ваш друг просил передать, что отлучился по неотложным делам. – Молоденькая медсестра улыбалась Яну дежурной вежливой улыбкой.

Надо же, отлучился по неотложным делам! Дезертир несчастный! А Яну что теперь делать одному? Он вытер взмокшие ладони о брюки. Ну и хрен с Шуриком! Он как-нибудь сам разберется с этим чертовым обследованием. Подумаешь, сложность – выслушать диагноз! Даже любопытно узнать, что у него там в черепушке.

Ян бродил по гулкому больничному коридору, то и дело поглядывая на часы. Врач сказал, что подождать нужно всего полчаса, а прошло уже сорок пять минут. Что же они там так долго? Что такое интересное обнаружилось у него в мозгах? Ему вдруг нестерпимо захотелось курить. Два года не хотелось, а теперь вот – пожалуйста. И Шурик, как назло, слинял по неотложным делам...

Из врачебного кабинета выпорхнула все та же молоденькая медсестра. Ян рванул ей навстречу.

– Ну, как там? – Ему очень хотелось, чтобы голос звучал не слишком заинтересованно и без заискивающих ноток. В конце концов, он взрослый мужик, уважаемый бизнесмен, грех ему волноваться, словно желторотому мальчишке.

Медсестра улыбнулась все той же вежливо-профессиональной улыбкой, сказала:

– Еще пару минут, пожалуйста. Доктора совещаются.

Сердце оборвалось и ухнуло куда-то вниз. Доктора совещаются! Это что ж они так долго совещаются?! И вообще, если это банальное обследование, как утверждал Шурик, то зачем вообще совещаться?! Выдали результаты – и все дела...

Медсестра обошла его по большой дуге, словно прокаженного, звонко зацокала каблучками по выложенному каменными плитами полу, а Ян остался стоять перед приоткрытой дверью. Из помещения доносились мужские голоса. Голоса о чем-то спорили. Ян воровато оглянулся – в коридоре не было ни единой живой души, – прижался взмокшей от пота спиной к стене, аккурат возле двери. Голоса стали громче.

– ...Ну и что, что клиника нетипичная? А ты не смотри на клинику, ты смотри на томограмму. Видишь?

– Вижу. И что теперь? К нейрохирургу?

– Можно, конечно, и к нейрохирургу, только он не поможет, опухоль неоперабельная, уж больно локализация неудачная. Мужик-то хоть пожил?

– Какое там пожил?! Тридцатник только-только разменял.

– Да, жалко парня, смертный приговор в тридцать лет.

– Как думаешь, сколько ему осталось?

– Да кто ж знает? Месяц-другой максимум...

Коридор закачался и «поплыл», чтобы не упасть, пришлось ухватиться руками за стену. Вот и приехали... Вот тебе и банальная головная боль... Месяц-другой – это все, что оставила ему чертова опухоль... Это его лимит... А ему только тридцать, и планов на жизнь громадь: подписать договор с финнами, прыгнуть с парашютом, Алину свозить в Париж... Ничего не будет, потому что у опухоли неудачная локализация, и жить осталось пару месяцев...

Ян оттолкнулся от стены, пошатнулся, точно пьяный, побрел по коридору. Любопытство сгубило кошку, так любила говаривать его бабушка. Его тоже сгубило любопытство. Не будь он таким нетерпеливым, не сунь свой нос куда не следует, возможно, прожил бы оставшиеся месяцы в блаженном неведении, с мыслью, что его лечат от мигрени. Ведь не сказали бы ему

прямо в лоб, что у него опухоль мозга, попытались бы смягчить удар, завуалировать жестокую правду, и не было бы сейчас так больно и страшно, и умер бы он почти счастливым...

Машина не желала слушаться: сначала не хотела открываться, потом заводиться. Может, чувствовала, что этот хозяин у нее ненадолго, вот и бунтовала? Ян врубил радио на полную мощность, просто затем, чтобы избавиться от роящихся в голове мыслей, тронулся с места.

Куда теперь?

А никуда! Спешить некуда, да и незачем. За него уже все решили...

Или все-таки в какую-нибудь крутую клинику на повторное обследование?

Пустое! Сказано же – опухоль неоперабельная. Неоперабельная – это значит не поддающаяся лечению. Так зачем гробить последние месяцы жизни на обследования и больницы?

Тогда, может, в церковь? Вымолить индульгенцию, подать прошение о помиловании? Только ведь вряд ли станут рассматривать индульгенцию от него, махрового атеиста, когда в очереди за чудом полно истинно верующих.

Машина тронулась с места. Плохо, что автомобиль – это не лошадь. Была бы лошадью, он бы отпустил поводья, все равно ведь податься некуда. А так приходится делать выбор самому, маленький выбор – куда поехать?..

* * *

...А ведь закатное небо – это красиво! Тучи, подсвеченные изнутри розовым. Солнечный диск, не агрессивно-яркий, а устало-красный. И само небо – фиолетовое, как на детских рисунках. А на фоне всего этого великолепия – черным силуэтом старый мост, громадина из железа и бетона, издавна ажурная, почти невесомая, а вблизи массивная, уродливо урбанистическая. На перилах моста – черная птица...

Ян тряхнул головой, всмотрелся. Нет, это не черная птица, это красна девица. Он усмехнулся новорожденному каламбуру. Последние пару часов Ян почти все время улыбался: идея напиться оказалась очень удачной. Теперь было почти не больно и совсем не страшно. Теперь можно рассмотреть и оценить такие поразительные вещи, как закатное небо и старый мост, и готовящуюся взлететь девушку-птицу на перилах. Интересно, она и в самом деле думает, что у нее получится? Солнце – очень капризный любовник, оно опалило крылышки не одной самоуверенной пташке...

Ян заглушил мотор, вышел из авто. Теперь, после того как он влил в себя приличную дозу коньяка, машина слушалась его беспрекословно, заводилась с полоборота, лихо вписывалась в любой, даже самый крутой, поворот. Ян проверял – с крутыми поворотами. Когда точно знаешь, сколько тебе отмерено, легко быть смелым и безрассудным. И мысль, что на ближайшие пару месяцев ты неуязвим, больше не кажется такой уж иррациональной. Это что-то вроде негласного договора со смертью. Ты ей – свою молодую жизнь, она тебе два месяца неуязвимости и безнаказанности. Неплохой, в общем-то, обмен, почти справедливый.

На мосту было прохладно, наверное, из-за ветра. Почему-то на всех мостах дует ветер – такая вот природная аномалия. А еще смотреть с моста на воду страшно, речка кажется бездонной и живой, особенно на закате. Вода черная и вязкая, как смола. Если девочка-пташка ошибется в своих расчетах и сиганет не вверх, а вниз, реке будет чем поживиться. Ян ускорил шаг, чтобы не пропустить момент взлета.

Вблизи девушка еще больше походила на птицу, большую, нахохлившуюся черную птицу. Черная кофта, черная юбка до колен, смешные полосатые гольфы, грязные кеды, огромная холщовая торба через плечо, растрепанные волосы, тонкие руки, плетями висающие вдоль тщедушного тела. У перил почти пустая бутылка дешевого виски, надо понимать, топливо для взлета. Дислокация девочки-пташки была очень неудачной, подуй ветер чуть посильнее – и

ее просто снесет с моста. Может, она того и добивается, как парашютист ловит попутный поток? Тогда нужно снять торбу, торба – это балласт.

Ян облокотился о перила, прямо рядом с грязными кедами и торчащими из них декадентскими полосатыми гольфами, сказал, глядя на затухающий небосклон:

– Сумочку бы лучше снять.

Девочка-пташка покачнулась от неожиданности, посмотрела на него сверху вниз, спросила сварливо:

– Зачем?

– Чтобы не мешала.

– Она мне не мешает.

– А, ну тогда извини.

Они немного помолчали. Ян вглядывался в невидимую линию горизонта, девчонка маялась на перилах. Она не выдержала первой:

– Что ты тут стал?!

– Жду. – Он совсем не обиделся, разве можно обижаться на девочек-пташек?

– Чего ждешь? – В ее голосе послышалось любопытство.

– Жду, когда ты прыгнешь.

– Куда прыгну?

Ян задумчиво поскреб подбородок.

– Ну, это как получится. Если законы физики на тебя не действуют, то вверх, а если действуют, то, стало быть, вниз.

Он достал из кармана пиджака сигареты. Когда до часа «Х» осталось каких-то пару месяцев, можно не мелочиться и со спокойной совестью пускаться во все тяжкие. Сигарета показалась упоительно уместной.

– То есть ты пришел сюда понаблюдать, как я буду падать с моста? – спросила девчонка.

– Я так и думал, тебе не хватает веры в собственные силы. – Он выпустил идеально ровное колечко дыма.

– Почему?

– Потому что ты собираешься падать, а не взлетать.

Она нервно захихикала.

– Я что, по-твоему, птица, чтобы летать?

– Ты пташка. Пташки тоже иногда летают.

– Я не пташка! – Девчонка соскользнула с перил, не спрыгнула, а именно соскользнула, стекла, как ртуть. Или это просто воображение расшалилось?

Она была невысокой, по плечо Яну. В тусклом свете фонаря ее лицо напоминало маску, но, даже находясь в изрядном подпитии, Ян понимал, что скудное освещение тут ни при чем. Это все из-за макияжа, очень специфического, надо сказать, макияжа. Бледные щеки, густо подведенные глаза, накрашенные черной помадой губы – девочка была похожа на восставшую из гроба. Ян невольно попятился. Незнакомка усмехнулась, в сумерках блеснули белые зубы. Он уже приготовился увидеть вампирские клыки, но их не было – девчонка оказалась самой обычной, просто безобразно накрашенной.

– А кто ты? – спросил Ян, любясь игрой света и теней на кукольно-неестественном личике.

– Я Клементина. – Девчонка выхватила у него сигарету, жадно затянулась. – Для друзей просто Тина.

– Клементина – это псевдоним? – Ян не стал отбирать у несчастной сигарету, закурил новую.

– Клементина – это мое имя! – Девчонка приготовилась к обороне, наверное, с таким именем ей частенько приходилось обороняться. – Я нездешняя.

– Ну, это я уже понял, – сказал Ян примирительно. – Ты с Марса.

Она растерянно хлопнула ресницами, а потом звонко расхохоталась.

– А ты шутник.

– Да, я шутник, – он согласно кивнул. – Так ты передумала с моста сигать?

– А ты не собираешься меня отговаривать?

– Нет, нужно уважать чужое решение.

Девчонка саркастически хмыкнула, перегнулась через перила, долго всматривалась в черноту внизу, потом сказала очень серьезно:

– Еще успеется.

– Да, свести счеты с жизнью никогда не поздно, – Ян говорил это очень даже авторитетно: всего полдня назад он сам всесторонне обдумывал подобный вариант и пришел точно к такому же выводу. Два месяца – это, конечно, не несколько десятков лет, но при разумном подходе и за столь короткий срок можно многое успеть. Как только решение было принято, самоубийство заняло в его жизненных приоритетах отнюдь не лидирующую позицию. – Выпить есть?

Клементина – для друзей просто Тина – покосилась на полупустую бутылку виски, спросила:

– Сгодится?

– Мне сгодится все, что способно гореть. – Он поднял с земли бутылку, сделал жадный глоток.

– Виски – дерьмо, – сказала она и застенчиво улыбнулась.

– Тогда зачем пила?

– Для смелости.

– Для смелости лучше коньяк. Поехали?

– Куда?

– Прокатимся!

Тина-Клементина отобрала у него бутылку, с гусарской удалью допила остатки виски, швырнула бутылку в воду. Где-то далеко внизу послышался всплеск – на сей раз реке придется обойтись малой жертвой, девочка-пташка отменила взлет.

– Поехали! – Она решительно поправила торбу.

– Я не маньяк, – на всякий случай предупредил Ян.

– Сама вижу, что не маньяк. Ты хороший.

– Это почему?

– Ты со мной поговорил, со мной уже давно никто не говорил. Поехали кататься! – Она потянула его за рукав пиджака.

– Подожди.

Ян достал из кармана мобильный, поднес к глазам. Пятнадцать не принятых вызовов. Алина, Шурик, деловые партнеры – люди из прошлой жизни, той жизни, в которой он считал себя бессмертным.

Телефон с тихим бульканьем упал в воду. Все, теперь его ничто не держит, впереди целый месяц, а если повезет, два месяца свободы...

* * *

Мужик был самый обычный, из породы бизнесменов средней руки или удачливых менеджеров преуспевающих компаний. Дорогой костюм, дорогой мобильный, крутая тачка и все-ленская тоска в глазах. Тина презирала таких всей душой и с этим ни за что не стала бы общаться, если бы не запах. От мужика хорошо пахло: сигаретами, коньяком, дорогим одеколоном. По большому счету, это тоже атрибуты заурядных людей, да и комбинация не нова, но было и еще кое-что. Чистейший, выкристаллизованный запах обреченности и фатализма. Во

всяком случае, Тина именно так это воспринимала, через обоняние. Этот запах был сродни ферромонам, он интриговал и притягивал, словно магнитом. Это именно он заставил Тину оторвать взгляд от голодной речной глади и посмотреть на незнакомца.

Старше ее лет на восемь-десять – в сгустившихся сумерках трудно определить точнее, – но еще достаточно молодой, чтобы не казаться битым жизнью волком. Правильные черты лица, волосы, зачесанные назад, гораздо более длинные, чем принято у клерков средней руки. Значит, незнакомец обладает определенной степенью свободы, если может позволить себе отойти от стандарта – это уже хорошо, это маленький шаг прочь от заурядности. Руки красивые, музыкальные. Такими бы руками не бутылку дешевого виски сжимать, а гриф скрипки или гитары, на худой конец. И курит с удовольствием, так, словно годами мечтал об одной-единственной затяжке. Может, сигарета особенная? Тине захотелось попробовать. Незнакомец не стал возражать, расстался с сигаретой без видимого сожаления. Тина затянулась – ничего из ряда вон выходящего, сигарета как сигарета.

А еще незнакомец пригласил ее в путешествие. Вообще-то, «покататься» и «путешествие» – это не совсем синонимы, но Тина воспринимала их именно так. Прогулка в машине с пьяным фаталистом за рулем – очень интересное путешествие получится. А самое главное – неизвестно, чем оно закончится. Может, судьба сама все расставит по местам, и не придется больше никогда взбираться на узкие перила моста и с содроганием всматриваться в бездонную черноту. Интересно, он чувствует, что от нее пахнет так же, как от него, – отчаянием и обреченностью?..

– А как тебя зовут? – Теперь, когда он пригласил ее в путешествие, не хотелось думать об этом мужчине как о незнакомце.

– Ян.

– Это псевдоним? – Она позволила себе маленькую месть.

– Это имя. – Он не расслышал ее сарказма или не обратил на него внимания. Фаталисты такие невнимательные.

– Куда мы поедem?

– Куда глаза глядят.

Куда глаза глядят – это хорошо, это незаурядно. Тина поудобнее приладила на плече сумку, сказала:

– Ну, так пошли уже. Холодно.

На мосту и в самом деле было холодно. Удивительно, что раньше она этого не замечала. Зато в салоне машины оказалось тепло. Тина уселась на пассажирское сиденье, понаблюдала, как Ян возится с ключами зажигания.

– Пристегиваться не будешь? – спросила, когда машина уже тронулась с места.

– Нет.

– А я, пожалуй, пристегнусь. – Не то чтобы Тина боялась – после того как она битых полчаса простояла на перилах моста, девушка, кажется, больше ничего на свете не боялась, – просто вдруг захотелось, чтобы путешествие не закончилось, едва начавшись.

Ян кивнул, принимая ее решение без лишних комментариев. Это хорошо.

Детская привычка – оценивать все с позиции «хорошо» или «плохо». Дед всегда за это ругал, говорил, что помимо черного и белого есть еще полутона. А Тина полутонов не видела – только белое или только черное, только хорошее или только плохое. Повзрослев, она поняла, что половина ее проблем из-за этой негибкости, нежелания приспособиться, но понимание проблемы, к сожалению, не устранило саму проблему, Тина продолжала жить в черно-белом мире. Ян был скорее «белым», чем «черным». Это радовало, «черных» людей в ее жизни и так предостаточно.

Да что далеко ходить?! Она ведь и сама черная, причем и в буквальном, и в фигуральном смысле. Выбранная ею философия не приемлет ярких цветов. Черное – ее фаворит. Готы –

мрачный народ, загадочная субкультура. И Тина сознательно стала частью этой субкультуры, чтобы не видеть полутонов. Пилат говорил, что она неправильная, не стопроцентная, что она просто удачно мимикрирует под гота. Пилату виднее, он умный и мудрый. Готика – это его философия, его жизнь. Были...

Даже странно, что он пустил в эту жизнь неправильную Тину, знал о ее неправильности и не прогнал. Пилат хороший, внешне черный, а душой белый. Как плохо, что Пилат тоже был, и больше никогда нельзя будет присесть рядом, заглянуть в пронзительные черные глаза и увидеть в них свое будущее. Приходится действовать наугад, впервые довериться «черно-белому» человеку, чужаку...

...Они катались до самой ночи, гоняли по опустевшим автотрассам на немыслимой скорости. На такой скорости, что даже у привычной ко многому Тины захватывало дух. А Ян не боялся, кажется, он считал себя неуязвимым. Ей бы так...

В половине первого закончился бензин, машина заглохла прямо посреди шоссе. Они два часа просидели на обочине, прижавшись друг к другу, кутаясь в старый, пропахший бензином плед, уничтожая остатки сигарет и глядя на звезды. За городом звезды были необыкновенными. Казалось, что именно здесь, над пустынной автострадой, они настоящие, а городские звезды – это всего лишь их жалкие клоны. Тина немного подумала и поделилась своим открытием с Яном. Он согласился, посмотрел на нее долгим, задумчивым взглядом и молча кивнул, совсем как Пилат.

Их выручил сердобольный дальнобойщик: отлил бензина, немного, чтобы только-только хватило доехать до ближайшей заправки. А Ян потом сказал, что это очень необычно, потому что дальнобойщики – стреляные воробьи и никогда не останавливаются ночью в пустынном месте. Видимо, им попался неправильный дальнобойщик, с атрофированным инстинктом самосохранения, такой же, как они сами.

Ночевать остановились в мотеле. Тина всегда считала, что мотели – это пошло, убого и аморально, что мотель – это пристанище неудачливых коммивояжеров и отчаявшихся любовников. Эту мысль она тоже озвучила, а Ян в ответ только улыбнулся и сказал:

– Пташка, мы не вояжеры и не любовники.

– А кто мы? – Ответ на этот вопрос вдруг показался ей ужасно важным.

Ян задумался.

– Мы попутчики. Слово «попутчики» есть в твоем списке непристойностей?

– Нет.

– Тогда вперед!

Оказалось, что мотель – это очень популярное место, оказалось, что предоставить им могут только один номер на двоих. Один номер на двоих – подумаешь! Тина так и сказала, и Ян молча кивнул, соглашаясь.

Комнатка была маленькой и неудобной. Из мебели только скрипучая двуспальная кровать, колченогий стул и обшарпанные прикроватные тумбочки. Тина осторожно присела на самый край кровати, отвернула уголок покрывала, критическим взглядом окинула постельное белье. Оно было серым от частых стирок, но, кажется, свежим и чистым. Это хорошо. Ян сел рядом, спросил, не глядя в ее сторону:

– Кто первый в душ?

Тина украдкой покосилась на его четко очерченный профиль, сказала:

– Иди сначала ты, я за пять минут не управлюсь, макияж и все такое.

Ян встал, кровать жалобно скрипнула.

– А зачем тебе столько штукатурки? – спросил он уже в дверях комнаты.

– Решил прочесть нотацию? – огрызнулась Тина беззлобно. Беззлобно, потому что понимала – они всего лишь попутчики, и по большому счету Яну плевать на ее страсть к белой пудре, черному лаку и кроваво-красной помаде. Так же, как и ей самой плевать на его дело-

вой костюм и накрахмаленную сорочку. Они временные компаньоны, которых судьба свела на продуваемом всеми ветрами старом мосту.

– Да нет, просто интересуюсь, – донеслось уже из ванной.

– Это способ самовыражения! – крикнула Тина, но ее слова потонули в шуме льющейся воды. Она обиженно фыркнула, рухнула на кровать, проворчала, глядя в потолок: – Не больно-то и хотелось.

Ян вернулся минут через десять, аккуратно повесил на единственный стул пиджак и рубашку, прилег рядом с Тиной. С влажных волос на покрывало тут же натекла маленькая лужица.

– Горячей воды нет, – сообщил он с непонятной радостью, – только холодная, и то под плохим напором.

– Ерунда! – Тина взяла с тумбочки сумку.

Она так часто странствовала, что привыкла таскать с собой все самое необходимое, просто так, на всякий случай. Пилат за эту страсть к смене места называл ее перелетной птичкой. Ян тоже называл ее птичкой там, на мосту. Еще одно сходство...

Душ был старый, с зеленоватыми разводами плесени в углу. Становиться босиком на резиновый коврик было страшно, неизвестно, сколько народу по нему топталось, но выбора не было, и Тина рискнула. Ян не обманывал насчет горячей воды – ее в самом деле не оказалось, да и холодная лилась тонкой струйкой. Может, это оттого, что сейчас ночь? Тина смыла косметику. Это было нелегко, учитывая отсутствие под рукой необходимых средств, пришлось долго тереть лицо мылом, по цвету и запаху очень напоминающим хозяйственное. Зато у нее был флакон шампуня, дежурная зубная щетка и паста, а еще крем для лица.

Нырять под ощутимо прохладные струи не хотелось, но жизненный опыт учил – если есть возможность помыться, не стоит ею пренебрегать, потому что неизвестно, когда в следующий раз удастся дорваться до благ цивилизации. Однажды Тина ходила с ребятами в горы. Экспедиция была не слишком опасная, всего-то третий класс сложности, зато в плане бытовых неудобств тянула на шестой. Умываться талой водой на пронизывающем ветру, спать в спальнике, по неделе не иметь возможности не то что помыться, а даже вымыть голову. Когда Тина спустилась с гор, то чувствовала себя настоящим пещерным человеком. Она целый день провалялась в ванне и дала себе зарок, что больше никогда не станет путешествовать по диким местам. Бог с ними – с красотами девственной природы! Комфорт, пусть даже и минимальный, гораздо предпочтительнее.

После холодного душа организм взбодрился, остатки сна куда-то улетучились. Ничего удивительного: ей, давно ведущей ночной образ жизни, не привыкать. А вот завтра придется тяжело. Но и будет ли это завтра? У нее никаких планов на жизнь. По большому счету, у нее и жизни-то особой нет. Сегодняшняя ночь – это скорее приятный эпизод, отсрочка. А потом крутись – не крутись, а придется принимать решение. А она не готова к решениям. Пилат говорил, что Тина просто еще не нашла себя, а она думала, что причиной всему – бесхарактерность. Нет, это отец так считал, а отец никогда не ошибался в оценках. «Клементина, ты – пустое место, ты ничего собой не представляешь. Ты даже бунтуешь по-детски...»

Тина горько усмехнулась, завернулась в гостиничный халат, вышла из душа.

Ян лежал поперек кровати, все еще одетый.

– С легким паром, – сказал он и приподнялся на локте, наверное, чтобы рассмотреть ее получше. – Это ты? – спросил после долгой паузы.

– Это я. – Тина села рядом, принялась расчесывать влажные волосы. Ничего особенного в том, что он удивился: неподготовленного человека метаморфозы, происходящие с ее лицом после удаления макияжа, запросто могли шокировать.

– Так тебе лучше.

– Как?

- Без боевой раскраски.
- Это не боевая раскраска, это часть философии.
- Какой философии?
- Тебе в самом деле интересно или ты из вежливости? – Тина отложила расческу, внимательно посмотрела на Яна.
- Мне интересно. Можно сказать, я впервые в жизни общаюсь с настоящей готической девушкой.
- Готическая девушка, – она усмехнулась. – Звучит красиво, намного красивее, чем готка.
- Ты тоже красивая. – Он подкатился поближе, коснулся кончиков Тининых волос.
- А ты, оказывается, кое-что понимаешь в субкультурах. – Тине вдруг захотелось отодвинуться на более безопасное расстояние, но она не стала. Она смелая и независимая. Что бы ни говорил отец, она умеет принимать решения. Этот мужчина с дразнящим запахом фатализма ей нравится, она сама его выбрала.
- Я ничего не понимаю в субкультурах, я даже не слишком хорошо понимаю, что обозначает это загадочное слово «субкультура», – Ян придвинулся еще ближе, запах усилился, – но я живу не на Луне и знаю, что существуют такие, как ты.
- И ты не имеешь ничего против?
- По большому счету, мне все равно. Было, до встречи с тобой. – Он рассеянно погладил ее по голове. Так хозяин гладит кошку, не особо задумываясь, что делает.
- Мне тоже нет дела до таких, как ты, – сказала Тина с вызовом. – Раньше не было дела.
- А сейчас? – У него были черные глаза, чуть раскосые, чуть азиатские. Азиатские глаза и высокие скулы, а еще совсем не азиатское имя Ян. Похоже, его родители тоже были шутниками.
- А сейчас мне есть дело только до тебя одного...
- Отец учил быть честной, давно, когда еще не потерял надежду, что ее можно чему-нибудь научить. Отец потерял надежду, а Тина запомнила, что при любых обстоятельствах нужно быть честной и искренней. Обстоятельства сложились так, что Ян ей нравился. И даже то, что он «черно-белый», не имело решающего значения. Завтра может не наступить, а сегодня свело ее с Яном. Может, не просто так свело...

* * *

Без своего ужасного макияжа она была совсем другой. Глаза без подводки стали вдруг более выразительными, рот без помады более чувственным. Даже чуть опущенные уголки губ, даже синие тени на скулах, не то от усталости, не то от недосыпа, даже хмурая складочка на переносице не могли испортить это лицо. Девочка-пташка оказалась настоящей красавицей.

Ян думал, что эротические переживания остались в прошлой жизни, но оказалось, что он перетащил их в нынешнюю. Это здорово, это еще один бонус. Тина что-то говорила о субкультурах, а он пересчитывал пуговицы на ее бархатной блузке. Пуговиц оказалось тринадцать. Может быть, в готической субкультуре это число символизировало что-то особенное, но для Яна это означало лишь одно – чтобы добраться до Тины, нужно растянуть ровно тринадцать пуговиц. Можно, конечно, и не растягивать или растягивать, но не все, чтобы было быстрее, но его чувство прекрасного протестовало против такого подхода. Пуговица за пуговицей, не спеша, по очереди открыть все тринадцать маленьких замочков от сердца девочки-пташки с удивительным именем Клементина.

А потом она сказала, что ей есть дело только до него одного, и Ян тут же забыл о своих намерениях. Ему вдруг показалось, что на подбор ключиков его может не хватить, и нужно торопиться, брать прямо сейчас все, что предлагает ему провидение...

Пуговицы черными жемчужинами просыпались на грязный пол, все тринадцать. Девочка-пташка дугой выгнула спину и оказалась близко-близко. Так близко, что Ян мог слышать, как бьется ее сердце, мог видеть свое отражение в ее расширившихся зрачках. Новая жизнь обещала быть очень интересной, если он возьмет в нее Клементину. Стоит поговорить с ней... потом... когда к нему вернется способность говорить...

... – Черт, у меня нет нитки и иглки! – Вместо того, чтобы последовать его примеру и, лежа в расслабленной позе, бездумно смотреть в потолок, эта дурочка ползала под кроватью, собирая рассыпавшиеся пуговицы. – Ты испортил такую замечательную вещь! – В ее голосе не слышалось злости, лишь легкое огорчение и чисто женское желание поворчать из-за пустяка. Ян улыбнулся. – Знаешь, где я ее купила? – Из-под кровати вынырнула растрепанная голова.

– Где? – спросил он, просто чтобы поддержать беседу, порванную кофточку ему было совсем не жаль.

– На распродаже театрального реквизита, вот где!

Ян не выдержал, расхохотался. Да уж, ценное приобретение, ничего не скажешь!

– А что ты смеешься?! – В голосе Тины послышался намек на обиду.

– Я не смеюсь. – Ян перестал улыбаться. – Пташка, давай я завтра куплю тебе новую кофточку?

– Я не хочу новую. К моей юбке идет только эта.

– А еще она изумительно идет к гольфам и кедам.

– Тебе не нравятся гольфы и кеды?

– Нет, боже упаси! Я же прекрасно понимаю, что это неотъемлемый атрибут субкультуры.

Теперь расхохоталась она, плюхнулась на кровать рядом с Яном, заглянула в глаза, сказала неожиданно серьезно:

– Ты хороший.

– Я не хороший.

На закате жизни ему не хотелось записываться добровольцем в хилую когорту хороших. Хотелось для разнообразия побыть плохим. Интуиция и жизненный опыт подсказывали, что плохим живется интереснее.

Тина немного подумала, потом согласно кивнула. Умная девочка – оставляет ему право выбора. Вот это по-настоящему хорошо. Ян прикрыл глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Голова почти не болела, далекие отголоски не в счет. Он знал, что это временное явление, скорее всего это просто затишье перед бурей, и завтра мигрень атакует с утроенной силой, но это завтра, а сегодня ему хорошо. Кажется, первый день из отмеренных ему шестидесяти прожит не зря. Ян похлопал ладонью по покрывалу:

– Пташка, давай спать.

– Я не хочу спать, у меня еще уйма дел, – сказала Тина сварливо: – Одну пуговицу так и не нашла. Хорошо, что я запасливая и у меня есть с собой еще кое-какие шмотки, а то пришлось бы ходить оборванкой.

Ян хотел было сказать, что в своем готическом прикиде она и выглядит как раз как оборванка, но удержался. Во-первых, новая жизненная философия предполагала терпимость к ближним, а во-вторых, ему не было никакого дела до того, как выглядит Тина в одежде, достаточно было просто знать, что под маской Коломбины прячется хорошенькая барышня, пусть немножко чокнутая, но милая.

– ...У тебя есть какие-нибудь планы? – Голос Тины Ян расслышал уже сквозь сон.

– Есть.

– Какие?

– Увидеть Париж и умереть...

Уснул он под аккомпанемент тихого женского смеха...

Наступивший день принес жесточайшую головную боль. А что он хотел после такой бурной ночи? Выпивка, езда по ночной автостраде, случайный секс со случайной женщиной. Ян приоткрыл один глаз – случайная женщина спала рядом, полностью одетая. Правда, на сей раз вместо бархатной кофточки на ней был черный атласный корсет на шнуровке и полупрозрачная бордовая блузка. В комбинации с полосатыми гетрами и кедами комплектик смотрелся просто убийственно.

Мама дорогая, что ж это на него вчера нашло?! Раньше даже в пьяном бреду он бы не позарился на такую «красоту». Впрочем, раньше он считал себя бессмертным, а бессмертные на многие вещи смотрят под другим углом.

Мысль, что жизнь неумолимо близится к финалу, не порадовала, где-то в желудке вдруг заворочался колючий ком, Яна затошнило. Его вырвало, едва он успел переступить порог ванной. Минут через пять, после умывания холодной водой, в голове просветлело, даже колючий ком из желудка исчез. Ян сел на бортик душевой кабины, сжал виски руками. Нет, он не готов к правде. Вчерашняя бесшабашность была всего лишь иллюзией, следствием алкогольной интоксикации. Новый день принес осознание неотвратимости, страх и безысходность. Эх, лучше бы было ничего не знать, лечиться от мигрени, кочевать из клиники в клинику и умереть в счастливом неведении.

Да, умереть в счастливом неведении, так и не увидев Париж, не прыгнув с парашютом, не побывав по-настоящему свободным ни одного дня, не имея права выбора. Хотя про выбор – это он загнул. Выбор у него небогат – всего-то решить, как прожить оставшиеся дни. Что-то сродни шекспировскому «быть или не быть». Конечно, «быть» ему нравилось намного больше, но и в «не быть» можно найти свои плюсы, если подойти к вопросу творчески.

Вот, к примеру, живет человек, живет, строит планы на будущее, а ему бац – кирпич на голову или пуля в сердце, или апоплексический удар – и нет никаких планов, и выбора тоже никакого нет. А скажи этому человеку заранее: «Дорогой друг, жить тебе осталось ровно два месяца», он бы, может быть, за эти два месяца горы свернул, все свои планы реализовал и ушел в мир иной с чувством исполненного долга.

Ян невесело усмехнулся – не получается у него качественного самообмана. Бесплодные мудрствования получаются, а самообман нет. Видать, не тот склад ума. Ему всегда были больше по сердцу действия, а не размышления. Вот и надо действовать, прямо сейчас, чтобы на упаднические мысли не оставалось ни времени, ни сил. Ян встал, вернулся обратно в комнату.

Девочка-пташка спала, распластавшись поперек кровати. Бархатная кофточка и двенадцать похожих на черные жемчужины пуговиц лежали на тумбочке. Значит, тринадцатую так и не нашла. Стараясь не шуметь, Ян оделся, бросил прощальный взгляд на Тину. Девчонка проснется, а его нет. Может, хоть записку какую написать?

А зачем? Разве они друг другу что-то должны объяснять? Случайные связи тем и хороши, что не нужно ничего объяснять и обязательств никаких нет, и угрызений совести. Удобная вещь – случайные связи, надо бы взять на вооружение. Все, пора ехать!

Он уже знал, куда направится. В Париж – город художников, бунтарей и влюбленных. Банально – хотеть в Париж, намного креативнее – стремиться на Тибет или в Японию, на худой конец. А Ян всю свою сознательную жизнь мечтал именно о Париже. Наверное, это из-за бабушки. Бабушка в молодости была балериной Большого театра, танцевала «крайнего лебедя в третьем ряду» – так она любила говорить. Однажды с гастролями бабушка побывала в Париже и заболела им на всю оставшуюся жизнь. И сама заболела, и внука заразила, потому что вместо сказок на ночь Ян слушал рассказы о чудесном городе.

Ян вырос, выучился, основал свой бизнес, преуспел. И все эти годы, взбираясь на вершину, он мечтал, как однажды придет в старую квартирку на Арбате, обнимет бабушку за худенькие плечи и скажет: «Бабуля, собирайся, мы летим в Париж!» Но увы, сначала не было денег, потом появились деньги, но исчезло свободное время, а потом бабушка умерла... И как-

то сразу вдруг оказалось, что и карьера, и деньги – это не главное, потому что в старенькой квартирке на Арбате его больше никто не встретит объятьями, не напоит крепчайшим кофе, не расскажет очередную сказку «про Париж». Он не успел. Не успел в тот раз, но обязательно успеет в этот. Надо только заскочить домой, забрать документы и деньги, может быть, оставить записку Шурику и Алине. Что-нибудь типа «Улетел в Париж, вернусь не скоро».

* * *

Тина проспала. Всю ночь караулила, боялась проморгать, даже раздеваться не стала, а на рассвете уснула. Какая досада!

А Ян ушел... Она знала, что он уйдет, почувствовала еще ночью. Как-то вдруг поняла, что пташка перелетная – это не она, а он. Что, как только наступит новый день, он улетит. Ей хотелось улететь вместе с ним. А почему бы и нет?! У нее нет никаких планов на жизнь, ее больше ничто не держит на одном месте, и, самое главное, ей нравится Ян.

Сначала он понравился ей из-за ауры свободы и фатализма. Потом из-за того, что был чем-то неуловимо похож на Пилата. А потом ей понравился тихий перестук падающих на пол пуговиц. Было в этом звуке что-то медитативное, сродни пощелкиванию четок в руках буддистского монаха. Тина поняла, что утром Ян уйдет, когда на пол упала последняя пуговица. А ей не хотелось его отпускать, хотелось побыть рядом, понаблюдать, понять, почему он такой особенный.

Тина решила, что не станет спать, шестым чувством понимала, что, если не будет спать, Ян не сможет уйти без нее, не сможет сказать ей в лицо ни к чему не обязывающее «пока». Надо только поймать момент – в таких вещах всегда очень важно правильно выбрать момент – и попроситься с ним. Она попросится, и он возьмет ее с собой. Не потому, что она ему нужна, а потому что ему все равно, и намного проще согласиться, чем искать причину для отказа. И не важно, куда он направится, ей тоже все равно, главное – двигаться, не стоять на месте, убежать...

Она проспала... Она поняла это еще до того, как открыла глаза. Поняла по тому, что исчезло ощущение легкости и свободы, а в душу вернулся вчерашний пронизывающий ветер, тот самый ветер, которым она заразилась на старом мосту. Тина рывком села, ни на что не надеясь, позвала:

– Ян! Ян, ты где?

Нигде! Решил осуществить вчерашнюю идею, отправился «посмотреть на Париж»...

* * *

Ян не стал надолго задерживаться в квартире: не потому, что спешил, а потому, что квартира вдруг показалась ему чужой. Точно и не он покупал ее два года назад, делал ремонт, под чутким руководством Алины выбирал и расставлял мебель. Ян сегодняшний никогда не купил бы этот ужасный диван с россыпью разномастных плюшевых подушек, и стены в кармельно-приторный цвет не покрасил бы ни за что на свете, и выбросил бы уродливый торшер в стиле «модерн», а заодно и куст герани, посаженный Алиной «для привлечения хороших энергий». Ян сегодняшний не раздумывая избавился бы от большей части вещей, пустивших корни в его доме благодаря хозяйской «политике невмешательства», и с легким сердцем населил бы квартиру новыми «жильцами»: домашним кинотеатром, громоздким и излишне технократичным, зато с великолепными акустическими характеристиками, креслом-качалкой из старой квартиры на Арбате, непрезентабельным, но очень уютным. А на стены вместо модных и совершенно непонятных картин одного из последователей Кандинского повесил бы зауряд-

ные, но милые глазу и сердцу фотоколлажи. Эх, если бы ему было отмерено не пара месяцев, а хотя бы пара лет, он бы все переделал, а так чего уж теперь?..

Ян побросал в дорожную сумку все самое необходимое, забрал из сейфа паспорт, деньги и кредитные карточки, позвонил в аэропорт, заказал билет до Парижа. Все, дело сделано, можно уходить. Он присел на диван, отпихнув плюшевую подушку в форме сердечка, подумал секунду-другую, вернулся в спальню, черкнул записку Алине и Шурику. Мудрить не стал, написал просто: «Не волнуйтесь, улетел в Париж. Когда вернусь, не знаю», подумал немного и приписал длинный перечень инструкций для Шурика. Париж Парижем, а бросать любимую фирму без присмотра не хотелось. Конечно, Шурик бы и сам прекрасно справился, но с инструкцией как-то спокойнее. Стоило бы написать несколько нежных слов Алине, но после минувшей безумной ночи, проведенной с девочкой-пташкой, в голову ничего путного не шло. Тривиальное «прости-прощай» утонченная Алина не оценит, а упражняться в эпистолярном жанре не было ни сил, ни времени. Да и желания – чего греха таить? – тоже не было. Как-то у них разладилось с Алиной в последнее время...

Ян отложил ручку, пристроил записку-инструкцию на журнальном столике в гостиной, забрал из спальни фотографию бабушки, сунул в сумку и, не оборачиваясь, вышел из квартиры.

В аэропорту он оказался задолго до начала регистрации, чтобы хоть как-то скоротать время, уселся с чашкой кофе за единственным свободным столиком в кафе, предусмотрительно отгородившись от окружающей суеты наугад купленной газетой. Время текло медленно, газета мало того что оказалась неинтересной, с сильным уклоном в желтизну, так вдобавок ко всему еще и плохо защищала от внешнего мира: Ян уже минут пять кожей чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. А потом во внешнем мире произошло какое-то движение, газета колыхнулась, над головой Яна послышался смутно знакомый сердитый голос:

– Вот ты где! – На соседний стул плюхнулась Тина.

Ян отложил газету, посмотрел на девчонку со смесью удивления и любопытства. Интересно, каким ветром занесло сюда эту готическую пташку?

– Уф, жарко! – Тина заграбастала газету и принялась ею обмахиваться. – Мог бы и попрощаться, – сказала она почти равнодушно.

– Ты спала. – Ян рассеянно подумал, что девчонка нашла для газеты единственно правильное применение.

– Нужно было разбудить.

– Зачем?

Она перестала обмахиваться, перегнулась через стол, заглянула ему в глаза, сказала очень серьезно:

– Затем, что в Париж в одиночку не летают.

– А откуда ты знаешь про Париж? – Теперь Ян удивился намного больше, чем когда увидел Тину в аэропорту.

– Ты сам мне сказал, – она не сводила с него напряженного взгляда, – сегодня ночью.

– Я?!

– Ты!

Вообще-то, Ян не помнил, чтобы посвящал Тину в свои планы, но она говорила с такой наивной убежденностью.

– И что теперь? Ты приехала, чтобы попрощаться? – Невежливо разговаривать в таком резком тоне с молоденькими девицами, бабушка не одобрила бы, но у Яна не осталось выбора, ему не нужны дискуссии и выяснение отношений.

– Я хочу с тобой. – Зря он волновался, что ее смутит его тон – девчонка оказалась наглой и невосприимчивой к таким мелочам.

– В Париж?

– В Париж!

– Зачем?

– Давно собиралась погулять по Елисейским Полям.

– А если без меня? – Ян нетерпеливо посмотрел на наручные часы.

– С тобой будет интереснее, – она просительно улыбнулась: – Возьми меня с собой. Пожалуйста.

Вот тебе и случайная знакомая! Ян поморщился. Все, пора прекращать этот балаган. В конце концов, случайный секс – еще не повод для знакомства, а у него слишком мало времени, чтобы тратить его на дипломатию.

– Клементина, – он постарался, чтобы голос звучал как можно строже, – жаль тебя разочаровывать, но мне не нужна спутница, я собираюсь лететь один. Так что извини! – Он положил на стол перед девчонкой стодолларовую купюру, утешительный приз, так сказать. Пусть сходит еще на какую-нибудь распродажу, прикупит себе парочку прикольных шмоток.

– Это мне? – Тина недоверчиво посмотрела на деньги.

– Только не подумай, что я хочу тебя обидеть, считай это компенсацией за испорченную кофточку. – Краем глаза Ян заметил, что их дуэт привлекает к себе повышенное внимание. Пассажиры, так же как и он коротающие время в кафе, поглядывали на Тину со смесью удивления и неодобрения. Похоже, им тоже не импонировала ее манера одеваться.

– Оставь себе! – Девчонка встала из-за стола так стремительно, что недопитый кофе выплеснулся Яну на рубашку. – Я думала, что ты другой, а ты такой же, как все...

Под ее разочарованным взглядом Яну вдруг стало очень обидно, что он такой же, как все, захотелось оправдаться.

– Тебе нельзя лететь со мной! – крикнул он ей вслед.

Она обернулась, презрительно дернула плечом, сказала:

– Поправочка! Мне не нужно лететь с тобой. Вали один в свой Париж! – Девочка-пташка бросила на него прощальный взгляд и направилась к выходу.

Ян наблюдал, как гневно развевается подол черной юбки, как безразмерная холщовая торба болтается из стороны в сторону, и чувствовал себя предателем. Словно вчера он пообещал этой дурехе, что возьмет ее с собой в Париж, а сегодня передумал. Бред! Он никому ничего не обещал! У него нет ни перед кем никаких обязательств! И вообще, последние дни жизни он собирается прожить так, как хочется ему, а не какой-то взбалмошной бродяжке. Ян посмотрел на расплывающийся по рубашке след от кофе, встал из-за стола. Нужно сходить в туалет, замазать пятно, пока еще не поздно.

За пределами кафе бурлила жизнь: аэропорт переваривал, пережевывал и выплевывал сотни, если не тысячи нервных, суетливых людишек. Аэропорт был похож на хорошо отлаженный огромный механизм, работающий без сбоев. Почти без сбоев, потому что откуда-то со стороны выхода доносился шум и крики. Ян обернулся и тихо застонал – причиной сбоя оказалась Клементина. Со своей позиции он мог видеть немного: двух невозмутимого вида мен-тов, Тину, нервно размахивающую руками и тщетно пытающуюся высвободиться из цепких лап одного из стражей порядка, ну и зевак, конечно. Как же без них?

Разумнее всего было бы сделать вид, что происходящее его не касается, пройти себе спокойно мимо и забыть о девочке-пташке на веки вечные. Возможно, он бы так и поступил в прошлой жизни. А в этой, новой жизни Тина стала единственным человеком, который, пусть сам того не ведая, разделил с ним страх и отчаяние, смягчил самый первый и от этого самый страшный удар, и бросить ее сейчас было бы верхом подлости. Ян тяжело вздохнул, посмотрел на часы – до вылета оставалось еще достаточно времени, чтобы попытаться вызволить дуреку без риска опоздать на самолет.

– ...Убери руки, козел! – Голос Тины звенел от возмущения. – Сам ты террорист!

– Тихо, гражданочка, не надо буяннить. – Судя по миротворческим ноткам в голосе того милиционера, что постарше, он пытался урегулировать конфликт малой кровью.

– Не рыпайся, шалава! – Зато его молодой коллега был настроен куда агрессивнее, Ян успел заметить, как он со злостью сдернул с Тинино плеча торбу. – Я тебе сейчас покажу «козла», неформалка чертова!

В общих чертах причина конфликта была ясна: внешний вид Тины вызвал подозрения у стражей порядка, а поскольку время нынче беспокойное, неудивительно, что товарищи милиционеры проявили пристальный интерес к ее особе. Может, сказали что-то не то, может, обратились как-то не так, но скорее всего просто попались девчонке под горячую руку – вот и возгорелось из искры пламя. А ему теперь туши...

– Клементина, что происходит? – Голосу следовало придать одновременно строгости и миролюбия.

– Пошел к черту! – Негодяйка метнула в Яна острый, как стилет, взгляд, выдернула свою торбу из рук зазевавшегося мента и тут же ткнула его локтем в бок.

– Ах ты, паразитка! – взвыл тот и, если бы Ян не встал между ним и Тиной, девчонке пришлось бы худо.

– А вы кто такой? – вежливо поинтересовался мент постарше.

– Никто! – ответила за него Тина. – Он никто! Скажите ему, чтобы валил отсюда!

– Я ее знакомый, могу я быть чем-нибудь полезен? – Ян решил обращаться исключительно к старшему как к самому здравомыслящему из всей компании.

– Можете! – радостно откликнулся мент. – Скажите своей знакомой, что, если она не прекратит сопротивление властям, мы ее арестуем.

– Тина, ты слышала?

– Отвали!

– Уж больно несдержанная у вас знакомая, – мент неодобрительно покачал головой, – документики вот не желает показывать, на неприятности нарывается.

– Покажи товарищам документы. – Ян старался сдерживаться из последних сил, но чувствовал, что надолго его не хватит, – Тина, я кому сказал?!

Неожиданно она послушалась, порывшись в торбе, извлекла на свет божий паспорт, игнорируя Яна, сунула его под нос старшему милиционеру. Тот долго и пристально изучал документ, потом поманил Яна в сторонку, сказал доверительным шепотом:

– С документиками у вашей знакомой все в порядке, но вот за оскорбление служителей закона, находящихся при исполнении... – он сделал многозначительную паузу.

– Понял вас, – Ян достал из бумажника деньги, и через пару мгновений паспорт Клементины перекочевал к нему.

– Вы бы присмотрели за своей гм... знакомой, – добавил мент на прощание, – не везде можно встретить такое понимание. Внешность у нее весьма специфическая, а сейчас в стране настороженность и все такое.

– Да, да, настороженность, – Ян рассеянно кивнул, – можно мне ее забрать?

– Да забирайте уж, а то она пол-аэропорта уже на уши поставила.

– Вот! – Ян швырнул девчонке паспорт.

– Мог и не трудиться, – фыркнула она, пряча документ в торбу, – я бы и сама справилась.

Усилием воли он подавил острое желание высказать все, что о ней думает, вместо этого кивнул на прощание и пошел прочь.

– Ну и вали в свой Париж! – послышалось вслед.

В голосе девочки-пташки помимо раздражения и обиды Яну почудилось еще что-то. Боль? Страх? Он не стал анализировать и оборачиваться не стал. Зачем? Он сам по себе, она сама по себе. И регистрацию скоро объявят, надо спешить...

* * *

У нее ничего не вышло. А ведь сначала казалось, что удача на ее стороне. Шансы, что Ян направится в аэропорт, были невелики – мало ли что он сказал во сне! – но Тина рискнула. По большому счету, выбор был невелик, да и других планов у нее все равно не имелось. Можно на время представить, что ее цель – найти Яна. Когда есть цель, жизнь не кажется совсем уж бессмысленной.

Тина собралась быстро, почти по-солдатски. Львиную долю времени занял макияж, но тут уж ничего не попишешь – субкультура и философия, надо соответствовать. На завтрак денег не было, на дорогу тоже, но ей повезло, попался еще один сердобольный дальнобойщик, согласился подвезти «за спасибо». А говорят, что добрые люди перевелись. Они не перевелись, они все ушли работать дальнобойщиками.

В аэропорту Яна не было, Тина обшарила все закутки, разве что в мужской туалет не заглянула. Значит, не собирался он ни в какой Париж или собирался, но в отдаленном светлом будущем, а она, дуреха, поняла все слишком буквально.

Тина уже собиралась уходить, когда ее вдруг осенило – надо посмотреть расписание рейсов до Парижа, может, она просто приехала очень рано, может, Ян по дороге в аэропорт заехал домой. Ну конечно! У него же не было при себе дорожной сумки, а в Париж с пустыми руками не летают.

Если верить расписанию, ждать ей оставалось недолго, всего каких-то пару часов. Не факт, что Ян появится, но ведь у нее все равно нет никаких планов.

Спустя час ничегонеделания Тина решила повторить обход. Ян нашелся в кафе. На смену дикой радости вдруг пришли обида и страх. С радостью и обидой все было более или менее ясно, а вот причину страха Тина понять не могла. Самое плохое, что ее могло ожидать, – это недоуменный взгляд и раздраженное «ах черт, это ты!» в ответ на ее «здрасьте». Ничего ужасного в этом не было, она это уже проходила, и ничего – выжила. Что еще? Ян откажется взять ее с собой? Ну, откажется – и откажется, невелика печаль. Это ж ему до смерти хочется увидеть Париж, а не ей...

Чтобы не растерять боевой запал, Тина не стала здороваться, сразу перешла к делу. И напоролась на отказ...

Яну хотелось побыть в Париже одному. Вот и пришел конец ее везению. С отказом она бы как-нибудь смирилась, не самая это глубокая душевная рана, но Ян попытался от нее откупиться – вот что обидно! И унижительно, точно она какая-нибудь продажная девка, точно ей нужны эти чертовы баксы! Зря она все это затеяла, зря приперлась в аэропорт! У них нет и не может быть ничего общего. Да что там общего?! Если разобраться, Яну изначально было на нее наплевать. Он же даже снять ее с моста не пытался, он хотел посмотреть, как она рухнет вниз. Извращенец чертов! А отец и на сей раз оказался прав. «Клементина, ты совершенно не умеешь разбираться в людях. Все твои так называемые друзья – выродки и дегенераты!» Отец и Пилата считал дегенератом...

Воспоминания о Пилате приглушили злость. Как она могла сравнивать Яна, этого самодовольного хлыща, с Пилатом?! Они непохожи, у них нет вообще ничего общего. Пилат никогда не попытался бы откупиться от нее деньгами, Пилату не было дела до денег. И ей нет дела! И до мужика, посмеявшегося отнестись к ней как к разовой вещи, тоже нет дела. Пусть летит в свой гребаный Париж один...

Менты задержали ее почти на выходе из аэропорта, два самодовольных урода, облеченных властью. Ментам не понравилось, как она выглядит. Можно подумать, что статью в Конституции, ту самую, которая о правах, уже отменили. Возможно, она бы так не взбеленилась, если бы один из ментов, молодой, самодовольный ублюдок, не обозвал ее сначала террорист-

кой, а потом проституткой. Не важно, на что она обиделась больше, на «проститутку» или «террористку», важно другое – ее прилюдно оскорбили, и если она это стерпит, то перестанет себя уважать. Тина знала, что пререкаться со стражами правопорядка – себе дороже, у нее уже имелся горький опыт и неприятные воспоминания о грязном, пропахшем потом и блевотиной «обезьяннике», но сегодня был такой день, день несбывшихся ожиданий. Так что одной неприятностью больше, одной меньше!

А потом откуда ни возьмись появился Ян, урегулировал проблему с ментами, вернул ей документы и... ушел в тот самый момент, когда она снова начала надеяться.

Тина сидела на скамейке и решала нелегкую задачу. Единственное, что она знала наверняка, – это то, что нужно уезжать. Оставалось придумать, куда и каким транспортом. Еще очень хотелось есть, пустой желудок подвывал и корчился в голодных судорогах, а наличности – ноль.

– ... Не ушла? – На скамейку рядом с Тиной плюхнулся запыхавшийся Ян. Помяни черта – он тут как тут. Вообще-то, уже началась регистрация, и совершенно непонятно, что он здесь делает.

– Не твоё дело! – Тина демонстративно не смотрела в его сторону, пусть не думает, что она рада.

– Это хорошо, что не ушла.

– Почему? – Сохранить маску равнодушия не удалось, победило любопытство.

– Потому что я решил, что ты должна лететь со мной.

– Я тебе ничего не должна. – Желудок громко взвыл, и пришлось прижать к животу ладони, чтобы хоть как-то заглушить этот голодный вопль.

– Но ты же хотела в Париж.

– Это ты хотел в Париж.

– А ты хотела со мной.

– Я передумала.

– Я тоже.

– Что – тоже?

– Я подумал, что одному в Париже будет скучно.

– По-твоему, я похожа на клоуна? – Тина посмотрела на него в упор.

– Ты не похожа на клоуна, – Ян улыбнулся, – ты похожа на пташку. Пташка, полетели со мной в Париж!

– Регистрация на твой рейс уже заканчивается, – сказала она растерянно и отодвинулась подальше.

– Мы купим билеты на следующий рейс. У тебя ведь есть загранпаспорт и шенгенская виза.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотрел.

Ну конечно, посмотрел, когда рылся в ее документах. Она бы на его месте тоже посмотрела...

– Ну, что ты скажешь?

Тина хотела сказать «нет», но сказала «да». Как-то само собой вырвалось, а слово – не воробей...

* * *

В самолете Тина почти сразу же уснула: положила голову Яну на плечо и отключилась, словно тот факт, что они болтаются где-то между небом и землей в хрупкой железной скорлупке, для нее ровным счетом ничего не значил. А может, и не значил. Есть такая порода людей, которые ни капли не боятся летать.

Ян, к сожалению, боялся. Умом понимал, что шанс попасть в авиакатастрофу мизерный, что гораздо больше народу гибнет на дорогах, но то умом, а сердце отказывалось слушать доводы разума. Стоило только Яну ступить на трап самолета, как оно испуганно замирало. Самое ужасное, что по делам фирмы летать Яну приходилось часто, и, чтобы успокоиться и заглушить страх, он банально напивался. Полбутылки водки хватало на два часа перелета. В масштабах Европы – это то, что надо, но однажды Яну довелось лететь в Штаты...

На том краю земли его снимали с борта в стельку пьяного, до сих пор вспоминать стыдно. Это еще хорошо, что в Штатах его встречали друзья, а не деловые партнеры. Друзья к его состоянию отнеслись с пониманием и сочувствием. Может, оттого, что «во хмелю» Ян был тихим и покладистым и особых хлопот окружающим не доставлял.

В голове мелькнула шальная мысль – а не напиться ли сейчас? Лететь до Парижа не так чтобы очень долго, но все же. Он бы, пожалуй, не устоял, заказал бы себе что-нибудь покрепче минералки, но, поразмыслив минуту-другую, передумал. Во-первых, из-за головной боли. Алкоголь, возможно, и приглушит ее на пару часов, но потом, уже на земле, станет только хуже. А он хочет увидеть Париж незамутненным взглядом, потому что первое впечатление самое важное. Во-вторых, как любила повторять бабушка, кому суждено утонуть, в огне не сгорит. Ему, Яну Немирову, суждено умереть от опухоли головного мозга. Так какие проблемы?!

Как ни странно, но эта не слишком оптимистичная мысль его успокоила, напомнила о том, что у него со смертью на целых два месяца подписан пакт о ненападении и бояться авиакатастрофы нет смысла. И еще, во хмелю он, может быть, и не буйный, но достаточно тяжелый. Вряд ли Тина дотащит его восьмидесятикилограммовую тушу до места назначения. Тем более что и нет никакого места назначения. Решение лететь в Париж было спонтанным. Они летят не в конкретное место, а «просто в Париж». Он не знает города и не владеет французским. Конечно, чисто гипотетически какой-нибудь отель они найдут в любом случае, но хотелось бы знать, где искать.

Ян задумчиво посмотрел на Тину. Та сладко посапывала во сне и выглядела безмятежной. Вот кому хорошо. Девочка-пташка, перекаати-поле, никаких проблем, никаких обязательств, путешествуй сколько душе угодно.

А она и путешествовала, даже шенген открывала, чтобы было удобно мотаться из одной страны в другую. Вот такая продвинутая бродяжка. Бродяжка-космополит.

Хотя чему тут удивляться? Он не раз слышал о том, как люди умудрялись объехать пол-Европы, не имея в кармане ни гроша. А девчонка ведь идейная: готическая романтика, скромное очарование субкультур и все такое. Неудивительно, что она уже изрядно поколесила по миру. Вот и сейчас летит в Париж, и он, Ян, добровольно взял ее с собой. Ну, почти добровольно. Он так и не понял, что заставило его передумать, ведь твердо решил, что полетит один, а тут бац – и передумал, в паспорте ее порылся, шенгенскую визу нашел, билет на свой рейс сдал, а потом еще уговаривал это готическое недоразумение лететь с ним в Париж. Можно подумать, это ему надо, а не ей!

А может, так оно и есть? Может, решение оставаться в одиночестве было изначально неправильным? Одному неинтересно и скучно, и... страшно, и отвлечься от тягостных мыслей не удастся. А вдвоем веселее: можно и отвлечься, и развлечься. Тина для этого подходит как никто другой. И не потому, что молода и легкомысленна, а потому, что она – случайный выбор, случайная попутчица. А ведь давно известно, что случайному попутчику можно рассказать и доверить все что угодно. Даже то, что не рассказав бы лучшему другу.

Оно ведь так и есть. Вот, к примеру, возьми он с собой в Париж Шурика, проблем бы было не избежать. Шурику пришлось бы объяснять, почему это вдруг трудоголик Ян Немиров бросил все и рванул во Францию. И про опухоль пришлось бы рассказывать, и про пакт о ненападении. Конечно, Шурик мировой мужик и верный товарищ, но как бы он себя повел, если бы узнал, что лучшему другу осталось жить всего ничего? Догадаться не трудно: уговоры,

требование дообследоваться, не высказанное вслух, но очевидное сочувствие. Ян и сам поступил бы точно так же, не оставил бы товарища в беде, читай – не оставил бы в покое. И тогда все его планы на последние месяцы жизни накрылись бы медным тазом, и умирать пришлось бы не с чувством удовлетворения, а с сожалением о так и нереализованных мечтах.

Об Алине речь вообще не идет. Последнее время они отдалились, стали почти чужими друг другу. А зачем лететь в Париж с почти чужим человеком, если можно с совсем чужим, таким, который не станет изводить упреками и капризами, не будет задавать лишних вопросов?

По всему выходило, что лучше Клементины ему спутника и компаньона не найти. Конечно, не исключено, что девчонка тоже начнет качать права и прорываться в ближний круг, но в этом случае у него не будут связаны руки, можно просто выставить ее за дверь. Кстати, нужно как-нибудь с ней поговорить, рассказать о правилах их дальнейшего сосуществования, чтобы потом не возникало ненужных разговоров. Вот приземлятся они во французской стороне, и надо будет сразу же провести инструктаж, а пока можно и вздремнуть. Ян зевнул и закрыл глаза. Удивительно, но перелет его больше не страшил. То ли пакт о ненападении подействовал, то ли самовнушение.

Проснулся Ян уже на земле, оттого, что что-то острое больно толкало его под ребра. Он с неохотой разлепил глаза. «Что-то острое» оказалось Тининым локтем.

– Просыпайся, прилетели! – сообщила она, пристально изучая свою размалеванную мордашку в маленьком зеркальце.

Ян расстегнул ремни безопасности, с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся.

– Куда дальше? – Тина захлопнула зеркальце.

– Не знаю.

– То есть как «не знаешь»?! – Похоже, она ему не поверила. – Ты же за чем-то летел в Париж!

– Летел, – Ян согласно кивнул.

– Ну?

– Что – ну?

– Ну вот – мы в Париже, а дальше что?

– Пройдем таможеню.

– А после таможни? Какие у тебя планы, кроме того, чтобы просто увидеть Париж?

– Никаких.

– Просто так сюда прилетел?! Просто посмотреть?!

– Что-то вроде того.

Удивительно, но, кажется, его расплывчатый ответ Тину удовлетворил. Во всяком случае, больше никаких вопросов она задавать не стала, порылась в своей безразмерной торбе, достала какую-то яркую брошюру.

– Что это? – поинтересовался Ян.

– Путеводитель по Парижу.

– Откуда он у тебя?

– Купила в аэропорту. На последние деньги, между прочим.

– До того, как я согласился взять тебя с собой, или после?

– До.

– А если бы не взял?

Тина небрежно пожала плечами:

– Но ты же взял.

Она сказала это таким тоном, точно ее слова все объясняли. Непостижимая девица! Вот он бы ни за что не стал тратить последние деньги на путеводитель, который, вполне вероятно, никогда бы не пригодился.

– И что там? – Ян заглянул в брошюру.

– Я не слишком хорошо знаю Париж. – Тина водила покрытым черным лаком ногтем по плану города.

– То есть ты тут уже бывала? – удивился Ян.

– В прошлом году здесь проходил фестиваль готов, – сказала она, не отрываясь от своего занятия. – Мы тогда жили в одном маленьком частном отеле недалеко от Монмартра. Как называется отель, я помню, а вот название улицы забыла. Но, думаю, если увижу, то вспомню. Вот! – она радостно взвизгнула, чем вызвала неодобрительный взгляд стюардессы и раздраженный ропот соседей по салону. – Нашла! – Черный ноготь остановился на одной из многочисленных линий. – Вот эта улица!

– Вот эта улица, вот этот дом, вот эта девушка, что я влюблен, – пробормотал Ян и виновато улыбнулся соседке слева, поджарой, несмотря на почтенный возраст, даме в элегантном брючном костюме. Дама понимающе кивнула, на холеном лице, пережившем скорее всего не одну пластическую операцию, даже мелькнуло подобие ответной улыбки. В бок снова уткнулся локоть Тины:

– Ну, так ты согласен? Нам же надо будет где-то жить.

Вообще-то, Яна совсем не радовала перспектива остановиться в отеле, в котором обитала готическая братия. Воображение рисовало картинки, одна страшнее другой. Выкрашенные в черный цвет стены были еще не самым худшим вариантом. Почему-то именно в таких мрачных красках Яну представлялся интерьер отеля. Но, с другой стороны, Тина права – им надо где-то жить, и для начала, только на одну ночь, можно смириться с черными стенами. А потом он выберет отель попрезентабельнее.

– Там хоть не очень страшно? – спросил Ян осторожно.

– Там нормально. – Тина мечтательно улыбнулась. Похоже, от прошлогодней сходки у нее остались самые приятные воспоминания. Интересно, что творится на их тусовках? Надо будет как-нибудь спросить...

* * *

Отель Яна приятно удивил. Он уже настроился на то, что предстоящую ночь придется провести в условиях, близких к экстремальным, а тут...

Аккуратный трехэтажный домик, с виду такой буржуазный, что дальше некуда. Особенно Яна поразили ярко-желтые деревянные ставни и выставленные на подоконниках цветы. Тина секунду-другую полюбовалась отелем, а потом решительно толкнула дверь.

В небольшом холле царил тишина и прохлада, за дубовой стойкой никого не было.

– Эй! Есть кто живой?! – позвал Ян. Не то чтобы он считал, что все владельцы гостиниц в Париже знают русский, просто захотелось как-то обозначить их с Тиной присутствие.

На зов из одной из дверей вышла пышнотелая румяная тетенька в простом ситцевом платье и цветастом переднике, с выпачканными в чем-то белом руками. Ян присмотрелся и понял, что это мука. Тетенька вытерла руки о передник, близоруко сощурилась, и он подумал, что вот сейчас эта добропорядочная матрона наведет резкость, рассмотрит как следует Тину и даст им от ворот поворот. Потому как скорее всего девушка ошиблась адресом, наверняка ее готических братьев принимали в каком-то другом, не столь респектабельном заведении.

Едва Ян успел додумать эту неутешительную мысль, как Клементина активизировалась, отодвинула его в сторонку и затараторила что-то по-французски. Ян, ни бельмеса по-французски не понимающий, сумел разобрать лишь «бонжур» и «мадам Роза». Удивительно, но круглое, как луна, лицо тетюшки тут же расплылось в улыбке. Выдав пулеметную очередь непонятной абракадабры, тетенька – о, чудо! – раскрыла Тине свои объятия. Ян, ошалевший от такого неожиданного оборота, тихо стоял в сторонке и наблюдал, как дамы обмениваются почти родственными поцелуями и какой-то загадочной, одним им понятной информацией. Да,

признаться, не ожидал он, что Тина может оказаться такой полезной: знание французского и нужные связи на чужбине. А он-то опасался, что придется нянчиться с ней, как с малым ребенком, присматривать, защищать от агрессивно настроенной по отношению к неформалам публики. А оказалось, что нянчиться с девчонкой не нужно. Да и публика, судя по всему, к таким вот нестандартным относится терпимо, а если судить по этой луноликой матроне, так даже с симпатией. Европа. Цивилизованное общество...

Наконец дамы наговорились и вспомнили о нем.

– Ян, иди сюда! – Пальчиком, точно маленького мальчика, Тина поманила его к себе. – Познакомься, это мадам Роза, хозяйка отеля. Есть еще Пьер, ее супруг, но он сейчас занят, в одном из номеров потек кран, – сообщила она доверительным шепотом. – Ну, поздоровайся же!

Ян постарался улыбнуться как можно обаятельнее и, чувствуя себя дебилом-переростком, сказал:

– Здрасьте.

Мадам Роза радостно закивала и, кажется, вознамерилась заключить в свои объятия и его.

Он испуганно покосился на ее испачканные мукой руки и едва удержался, чтобы не отступить. Вежливость вежливостью, а чистить потом костюм не хотелось. К счастью, радушная хозяйка ограничилась лишь не по-женски крепким рукопожатием. Какое-то время она внимательно всматривалась в его лицо, а потом одобрительно кивнула, подмигнула Тине и что-то сказала. В ответ Тина звонко расхохоталась, и Ян почувствовал себя совсем уж некомфортно.

– Что она сказала? – спросил он, продолжая приветливо улыбаться мадам Розе.

– Ничего особенного. – Тина взяла его под руку. – Она сказала, что ты красавчик и что у меня с нашей прошлой встречи заметно улучшился вкус.

– Это она о твоей одежде?

– Это она о моих мужчинах.

Ян поморщился. Конечно, искренность и открытость – это очень хорошие качества, но все равно не слишком приятно осознавать себя одним из многих в списке. Интересно, а он очень длинный, этот список?..

– Ну, пойдем же! – Тина нетерпеливо дернула его за рукав. – Мадам Роза покажет нам нашу комнату.

– Мы будем жить в одном номере?

– Да, так получится намного дешевле. – Она отвернулась, что-то сказала хозяйке.

Ян усмехнулся. Ишь, какая рачительная ему досталась подружка! С одной стороны, это даже приятно, когда с самого начала нет никаких недомолвок, а с другой – в таком важном вопросе хотелось бы иметь право голоса...

Мадам Роза проводила их на третий этаж, гостеприимно распахнула одну из четырех имеющихся в коридоре дверей, опять подмигнула Тине и ретировалась.

Их номер оказался мансардой. Комнатка была небольшой, но уютной. Легкая мебель в стиле «прованс», оливковые стены, веселые шторы на окне, выход на балкон. За одной из выкрашенных в тон стен дверей скрывался туалет, за второй – на удивление просторная, едва ли не в полкомнаты ванная. Ян восхищенно присвистнул, рассматривая монументальную чугунную ванну на львиных лапах. Ванна стояла посреди комнаты и в сочетании с распахнутым настежь окном являла собой апофеоз сибаритства.

– Это номер для новобрачных, – сообщила Тина. – В других номерах такой роскоши нет. И кстати, вид из окна тут просто замечательный.

– Я еще не успел рассмотреть вид из окна, – сказал он потрясенно, – но ванну я уже оценил.

– Номер в мансарде, конечно, не слишком комфортабельный, – Тина словно не услышала его комментария, – но он значительно дешевле. И потом, это же почти Монмартр, так что жизнь в мансарде мне кажется очень символичной. А тебе?

– И мне. – Вообще-то Ян еще не успел определиться, но мансарда и отель нравились ему однозначно. Единственное, что несколько разочаровало, – это кровати. Когда Тина сказала, что они будут жить в одной комнате, да еще и в номере для новобрачных, Ян тут же нафантазировал себе большую двуспальную кровать, такую же монументальную, как ванна. А кроватей оказалось две, и стояли они у противоположных стен. Вот тебе и номер для новобрачных!

– Пойдем на балкон! – Тина потянула его к балконной двери. Ян не стал сопротивляться.

Балкон был крошечным, одновременно разместиться на нем могло не более двух человек, зато вид с него открывался на самом деле удивительный: покатые крыши пряничных домиков, узкая улочка, кафешка напротив, изумрудные кроны старых деревьев.

– Ну как, нравится? – Тина не желала оставлять его в покое. Тина хотела, чтобы он непременно одобрил ее выбор.

– Да, здесь очень мило.

Ян вернулся в номер, плюхнулся на одну из кроватей, закрыл глаза, прислушался к себе. На душе лежал тяжеленный камень, а в черепной коробке ворочалась и тихо порывивала боль. Что-то пока у него не слишком хорошо получается радоваться жизни. Мешает то боль, то камень. Надо с этим что-то делать, надо как-то настраиваться на позитивную волну. Для начала стоит выпить лекарство: избавиться от боли оно скорее всего не сможет, но, возможно, поможет удержать цепного пса, его боль, на месте. А это уже полдела, потому что, когда мигрень разойдется не на шутку, французское небо покажется с овчинку.

Рядом присела Тина, посмотрела внимательно и настороженно одновременно, спросила:

– Что-то не так?

– Все в порядке. – Ян потрогал смолисто-черную прядь ее волос. – Не о чем переживать, Пташка.

– Номер стоит шестьдесят евро в сутки, но если тебе кажется, что это слишком дорого, то я могу...

– Не надо, – он нетерпеливо махнул рукой. – Меня все устраивает, не думай о деньгах.

– Если бы это были мои деньги, я бы о них не думала, – хмыкнула она.

– И о моих не думай. Не беспокойся, когда мой золотой запас иссякнет, я тебе сообщу.

– Сообщи чуть раньше, чем он иссякнет.

– Зачем?

– Ну, – она хитро улыбнулась, – нам же понадобятся деньги, чтобы вернуться.

Честно говоря, Яну не хотелось возвращаться. Он провел в Париже всего пару часов, но ему уже все ужасно нравилось. Вот только боль... он поморщился.

– Что? – встрепелась Тина.

– Голова болит. – Нет смысла врать, что с ним все в полном порядке. Все равно ведь шила в мешке не утаишь.

– Это из-за перелета. У меня так тоже часто бывает. – Тина забралась с ногами на кровать, скомандовала: – Садись!

– Зачем? – Яну не хотелось садиться, ему хотелось лежать. В покое и тишине.

– Я сделаю тебе массаж.

– Лучше принеси мне воды, чтобы запить таблетку.

– Одно другому не помешает. – Она спрыгнула с кровати, скрылась в ванной, но уже через мгновение вернулась со стаканом воды.

– Из-под крана? – осторожно уточнил Ян, вставая.

– Ну ясен перец! Пей!

Он проглотил таблетку, запил водой, вопросительно посмотрел на Тину.

– Что дальше?

– Закрой глаза и расслабься. – Она решительно поддернула рукава блузки. – Ты не бойся, больно не будет.

Ян хотел сказать, что больнее уже некуда, но передумал, просто закрыл глаза, как было велено.

У нее оказались сильные руки, сильные и нежные одновременно. И эти руки знали, что делали. Тина напевала что-то легкомысленное, а Ян с удивлением чувствовал, что боль отступает. Он не знал, что можно делать массаж не только тела, но и головы. Думал, что голова – это такой орган, на который вообще трудно повлиять извне. А оказывается, все возможно. И не только возможно, но еще и чертовски приятно.

– Сколько тебе лет? – Голос Тины вывел его из блаженной расслабленности.

– Тридцать два. А что?

– У тебя остеохондроз. Слышишь, как хрустит?

Ну, было что-то такое, едва слышное похрустывание, и что?

– Это плохо. Мой дед говорил, что все проблемы от позвоночника.

Интересная мысль, под таким углом он вопрос как-то не рассматривал.

– У тебя, наверное, образ жизни сидячий.

– Вообще-то я два раза в неделю хожу в тренажерный зал. – Стало вдруг обидно, что эта малолетка записала его в старики. Остеохондроз – это ж стариковская болезнь, а он еще парень хоть куда. Был... до недавнего времени, до того как отважился узнать свой диагноз...

– Тренажеры – это не то. – Тина пробежалась пальцами по его позвоночнику, и в шее что-то угрожающе щелкнуло, Ян испуганно взвыл. – Больно? – спросила она удивленно. – Больно быть не должно.

– Да не больно, просто страшновато как-то. Ты там смотри шею мне не сверни. – Честно говоря, он уже пожалел, что доверился дилетантке. Пакт о ненападении – это хорошо, но мало ли что...

– Не сверну, – Тина обиженно фыркнула. – Не ты первый, не ты последний.

– Где массажу научилась? – спросил Ян, осторожно потирая загривок.

– Дед научил.

– Он у тебя костоправ?

– Не костоправ, а мануальщик. К нему на прием за полгода записывались. Он даже безнадежных на ноги ставил.

– Так прямо и ставил? – Не то чтобы Ян хотел ее обидеть, просто было интересно узнать про ее уникального деда.

– Да, – сказала Тина убежденно. – Бывало, приезжали к деду на инвалидных колясках, а уходили на своих двоих.

– И он тебя всем премудростям обучил?

– Не всем, но многим.

– А почему не всем?

– Не успел, умер.

– Прости.

– Тебе-то что извиняться? – В ее голосе послышалась горечь. – Я оказалась не самой хорошей внучкой, а у деда было больное сердце...

Все понятно: у девочки комплекс вины. Ян ее понимал, он и сам не был идеальным внуком. Жаль только, что осознал он это, уже когда бабушки не стало. Вот и Тина, похоже, опоздала. Что же это за несправедливость такая?! Все в жизни происходит несвоевременно.

– Ну, все! – Девушка последний раз пробежалась пальчиками по его шее, спрыгнула с кровати. – Я сейчас, только руки помою.

– Вообще-то я утром душ принимал, – Яну вдруг стало обидно, что ей так срочно захотелось вымыть руки, точно он пес какой шелудивый.

– Это не потому, что ты грязный. – Тина с сосредоточенным видом рассматривала свои пальцы.

– А почему?

– Дед говорил, что через руки идет обмен энергией и информацией между тем, кто лечит, и тем, кого лечат.

– То есть моя боль может стать твоей? – уточнил Ян.

– Не сразу, но вполне вероятно. Поэтому дед всегда мыл руки после сеанса. Даже после того, как лечил меня. Так что не обижайся, ничего личного, – она улыбнулась и упорхнула в ванную.

* * *

Тина сунула руки под прохладную струю воды, посмотрела на свое отражение. Правый глаз «потек», надо бы подправить, но это потом, а сейчас нужно успокоиться. Что вообще на нее нашло?! Рассказала о дедке незнакомому человеку. Даже Пилату не рассказывала, а тут вдруг потянуло на откровения...

Их отношения с дедом всегда были непростыми, можно сказать, с самых первых дней, когда Тина начала осознавать себя самостоятельной личностью. Дед был тяжелым человеком: открытым и приветливым с чужими людьми, но замкнутым и неласковым с ней, родной внучкой.

Тина знала причину дедовой неприязни. Это из-за мамы. Мама умерла при родах. Родила Тину, а сама умерла...

Соседка баба Люба говорила, что дед не всегда был таким... таким, каким он стал с рождением внучки. Баба Люба рассказывала, что, когда Тинина мама забеременела, дед очень сильно разозлился, уговаривал ее сделать аборт, но мама отказалась, и он смирился, стал ждать внука. Даже кроватку своими руками сделал, руки у деда были золотые. Соседские кумушки его предупреждали, что готовить детское приданое заранее – это не к добру, но дед только отмахивался, говорил, что не верит в суеверия. А потом родилась Тина, а мама умерла в родах, и дед собственными руками изрубил кроватку в щепки. Баба Люба говорила, что кроватка была очень красивой, на резных ножках и с деревянными птичками в изголовье. В детстве маленькая Тина очень жалела, что дедушка зачем-то испортил такую кроватку. То, на чем она спала, и кроватью-то назвать было сложно, так, ломаная-переломаная рухлядь, которую принес кто-то из сердобольных соседей, чтобы «дítě не спало на полу».

Все от тех же сердобольных соседей Тина узнала, что дед не хотел забирать ее из роддома. Да что там забирать! Он даже видеть ее не хотел. Оно и понятно: чтобы дать жизнь Тине, его единственной горячо любимой дочери пришлось умереть. Тину уже собирались оформлять в Дом малютки, когда дед вдруг передумал, пришел в роддом со стареньким детским одеяльцем, попросил, чтобы медсестра завернула в него «эту». Тина была «этой» целый месяц – дед не озаботился именем для внучки, – а когда в ЗАГСе потребовали срочно зарегистрировать ребенка, сунул бабе Любе документы, бутылку «беленькой» и сказал:

– Иди, запиши эту.

– Как назвал-то девочку? – баба Люба к тому моменту находилась уже в изрядном подпитии, но здорового женского любопытства не растеряла.

– Да никак.

– А кем же ее тогда записать?

– Кем хочешь, тем и запиши...

Баба Люба хоть и была горькой пьянчужкой, но считала себя женщиной интеллигентной и не чуждой прекрасному, поэтому на сон грядущий почитывала книжки, большей частью романтические. Героиню последнего прочтенного романа звали по-заграничному завораживающе – Клементина...

Дед на необычное имя внучки, кажется, не обратил никакого внимания, а вот соседи насудачились всласть. Книголюбке бабе Любе досталось по первое число за то, «что дитю несмышленому всю жизнь исковеркала таким мудреным именем». Деда тоже осуждали, но тайком, вполголоса, потому как уважали и жалели. И Тину тоже жалели. Во всяком случае, она помнила, как в далеком детстве добрые дяди и тети гладили ее по головке, угощали конфетами и называли бедной сироткой. Только дед ее упорно никак не называл. Если ему было что-нибудь от нее нужно, он просто говорил:

– Эй, поди-ка сюда.

Так что ситуация получалась почти анекдотическая – в раннем детстве Тина охотно отзывалась на «эй» и не реагировала на собственное имя. Только оказавшись в яслях, она узнала, что ее зовут Клементина.

Детский сад запомнился Тине как самый светлый жизненный период. Там с ней разговаривали, играли и читали сказки. А еще в детском саду были игрушки, пусть старые и наполовину сломанные, но дома у Тины не имелось и таких. Дед не покупал ей ничего, кроме еды и одежды. Нет, ему не было жалко денег, он просто не придавал значения мелочам. Куклы, банты и красивые платья являлись мелочью, одежда – вынужденной необходимостью. Когда Тина вырастала из старых одежек, дед отводил ее в ближайший универмаг, клал на прилавок деньги и говорил продавщице:

– Подберите, пожалуйста, гардероб этой девочке.

Лет до десяти Тине «подбирали гардероб» чужие тетеньки, иногда сердобольные и жалостливые, но большей частью усталые и равнодушные. Пара платьев, колготы, теплый костюм, пальтишко на зиму и куртка на весну-осень. Ну и обувь, куда ж без нее? Дед не скупился, на «гардероб» денег не жалел, беда только в том, что «в ближайшем универмаге» красивых вещей отродясь не водилось, представленный ассортимент не отличался ни разнообразием, ни многоцветием. Унылые ряды одинаково уродливых платьев, кофт и ботинок – глазу не на чем остановиться.

А Тинины одноклассницы щеголяли в ярких курточках, нарядных платьицах и модных турецких джинсах. Вся эта красота продавалась всего в нескольких шагах от универмага, на городском рынке, но дед на рынок заглядывал исключительно за продуктами, а мимо вещевых рядов проходил с брезгливым равнодушием.

В одиннадцать лет Тина изъявила желание самостоятельно «выбирать себе гардероб». Дед молча выслушал ее пожелания, кивнул и... снова повел в «ближайший универмаг». Она пыталась возразить, объяснить, что рядом продаются вещи намного красивее и интереснее, но дед не стал слушать, он купил Тине уродливое драповое пальто в черно-белую клетку с искусственным меховым воротником. Вот тогда-то она и взбунтовалась в первый раз: когда дед ушел на работу, изрезала ненавистное пальто на мелкие лоскутки.

Дед ничего не сказал, не ругался и не кричал – он вообще никогда не повышал голос, – он аккуратно сложил черно-белые лоскутки в пакет и выбросил в мусоропровод. Вот и все, Тина тогда подумала, что у нее получилось. Зря надеялась, наступила зима, но дед, похоже, не собирался покупать ей новое пальто. До самой весны Тина проходила в тонюсенькой болоньевой курточке. В особо холодные дни, когда столбик термометра опускался до минус двадцати, она с тоской вспоминала изрезанное пальто и готова была душу продать за то, чтобы вернуть его обратно.

Воспалением легких Тина заболела в конце марта. Весна в тот памятный год выдалась вьюжной, ничем неотличимой от зимы. Девочка почувствовала себя плохо утром, а уже вече-

ром металась в бреду. Больше месяца она провела в больнице, выкарабкивалась из болезни тяжело и медленно. Лечащий врач Алексей Иванович однажды сказал деду, что она просто не хочет выздоравливать. При этом он как-то по-особенному посмотрел на деда, а дед ничего не ответил, только покивал головой каким-то своим мыслям.

Тину выписали в конце апреля. Зима наконец сдалась, и на улице было почти по-летнему тепло. Тина шла вслед за дедом и смотрела на метаморфозы, произошедшие с окружающим миром, широко распахнутыми глазами. Она так увлеклась, что не сразу заметила, что путь их лежит в противоположном от дома направлении. Оказалось, что маленькое чудо случилось не только с природой, но и с дедом – он вдруг решил, что Тине нужно сменить гардероб, и повел ее не «в ближайший универмаг», а на рынок, к пестрым вещевым рядам.

– Выбирай, – сказал он, останавливаясь у полосатой желто-синей палатки с детской одеждой.

– Что? – спросила Тина, ошавшая от свалившихся на ее голову перемен.

– Что хочешь, то и выбирай. – Дед перебрался несколькими словами с маленькой, верткой торговкой и отошел в сторонку, точно ему было неприятно оставаться рядом с палаткой.

– Ну что, милая, – тетенька-торговка улыбалась ей как родной, – давай выбирать тебе обновки!

И они выбрали! Это было совсем не похоже на «подбор гардероба в ближайшем универмаге». Тетенька-торговка смотрела на Тину не равнодушными рыбьими глазами, она лучилась энергией и желанием помочь. Тина перемерила добрую половину имевшихся в палатке одежек, пока они с тетенькой наконец не определились.

Это были настоящие сокровища! Тина смотрела на объемный пакет с упакованной одеждой с благоговением и трепетом. Это все теперь ее! И полосатый желто-зеленый свитер, и особенно актуальные в этом сезоне небесно-голубые турецкие джинсы, и бирюзовая курточка-ветровка. В пакете лежало еще много чудесных вещей, но эти три Тине нравились особенно.

Тетенька позвала деда, тот молча рассчитался, так же молча забрал пакет с обновками и, не обращая внимания на Тину, направился к выходу из рынка. А она ощущала такое счастье, что готова была простить деду все что угодно. Впервые в жизни девочка почувствовала, что имеет вес в этом мире.

На следующий день в школу Тина шла с гордо поднятой головой. Ну еще бы, ведь на ней была не уродливая болоньевая куртка непонятного цвета, а модная ветровочка и розовые капроновые колготки – последний писк и лаковые туфельки, такие блестящие, что в них отражались небо и белые облака-барашки.

Мир не изменился в одночасье, и из забитой тихони она по мановению волшебной палочки не стала сказочной красавицей, но в глазах первой красавицы класса Кристины Тоневой вдруг зажегся огонек удивления и, кажется, зависти, а Мишка Соловьев, хулиган и наипервейший Тинин обидчик, впервые не дернул ее за косички и обозвал красиво Тинкой-паутиной, а не привычно обидной тиной болотной. Мир не изменился, это она сама сделала первый робкий шаг к переменам...

* * *

– ...Тина! Эй, Тина! Ты в порядке?! – Громкий стук в дверь вырвал ее из плена воспоминаний.

– Да, я сейчас! – Тина выключила воду, вышла из ванной.

Ян стоял в проеме балконной двери, в мягком свете закатного парижского солнца его голый торс, закаленный в горнилах тренажерных залов, выглядел весьма рельефно.

– Я уже думал, что ты решила не ограничиваться одним только мытьем рук, – сказал он ворчливо.

– Как твоя голова?

– Знаешь, – взгляд Яна вдруг сделался растерянно-удивленным, – прошла! – Он даже потрогал себя за голову, словно проверяя, на месте ли она.

– Я же говорила, что массаж творит чудеса. – От того, что ее маленькие таланты принесли свои плоды, на душе стало теплее, ледок от недавних воспоминаний начал таять.

– А могу я, – Ян смущенно улыбнулся, – могу я рассчитывать на твою помощь, если что?

– Если что, можешь, – Тина улыбнулась в ответ. – А могу я рассчитывать на ужин? Есть хочу – умираю.

– Куда пойдем? – Ян вернулся в комнату, потянулся за рубашкой.

– Ты собираешься выходить на прогулку по вечернему Парижу в деловом костюме? – она бросила выразительный взгляд на висящий на стуле пиджак. – Может, еще и галстук повяжешь?

– На себя посмотри, готическая пташка, – буркнул он и положил на кровать чемодан.

– А что со мной не так? – Тина расправила складки на юбке, подтянула сползший гольф. – Парижане очень терпимы к инакомыслящим.

– Ну, если уж они терпимы к твоему карнавальному наряду, то и мой деловой костюм переживут.

– Карнавальный наряд – как остроумно! – Тина подняла глаза к потолку. – А ты – синий чулок! Знаешь, что я тебе скажу?

– Ну, поделись жизненным опытом, – проворчал Ян, извлекая из чемодана джинсы. Увидев их, Тина едва не застонала. Ну что за спутник ей достался?! Даже джинсы у него аккуратненькие, точно только что из магазина. Никаких тебе потертостей, никаких вытянутых коленей. И цвет неинтересный – уныло синий. Разве можно чувствовать себя свободным человеком в таком консервативном прикиде?

– Ты не умеешь расслабляться, – сказала она убежденно.

– Это я не умею расслабляться?! – Не обращая внимания на то, что в комнате находится дама, Ян влез в джинсы, а снятые брюки – ну конечно, как же без этого?! – аккуратно повесил в шкаф. – Женщина, да ты сама не понимаешь, что говоришь!

– Кого ты хочешь обмануть? – Тина наблюдала, как он тщательно разглаживает складки на своих до боли идеальных джинсах. – Волосы не забудь расчесать, а то они у тебя слегка растрепались. Не комильфо.

– Не комильфо?! – Ян провел пятерней по волосам. – Ты о чем?

– Я о том, что ты весь такой правильный, такой аккуратный и лощеный, что у неподготовленного человека может случиться нервный срыв от твоего исключительно идеального вида.

– Зато от твоего вида нервный срыв может случиться даже у подготовленного человека, – парировал Ян, доставая из чемодана белую, как альпийский снег, тенниску. – Кстати, где тут уют?

– Вот! Что и требовалось доказать! – усмехнулась Тина. – Да ты же ходячая реклама совершенного человека. На хрена тебе уют? Тенниска же почти немятая!

– Вот именно – почти!

– А разве ты не знаешь, что «почти» – это соль земли? – Тина запнулась.

Так любил говорить Пилат. «Почти» – это соль земли. Не может быть чисто белого и чисто черного. Есть почти белое и почти черное. А если кто-то отваживается утверждать обратное, то он либо лгун, либо глупец.

– Мы будем продолжать наш спор до ночи или все же сходим поужинать? – Ян надел неглаженую тенниску, но чувствовалось, что этот шаг дался ему нелегко.

Тина тряхнула головой. Да что это на нее нашло?! Сама же все время проповедовала терпимость к чужим слабостям, а тут завелась из-за каких-то «идеальных джинсов». Да пусть он ходит в чем хочет, ей-то что?!

– Извини, – она виновато шаркнула ножкой, – ты выглядишь просто шикарно. – Ничего страшного ведь не случится, если она ради сохранения мира слегка покривит душой.

– Ты тоже. – Вот и Ян жертвует принципами ради добросердечных отношений, ведь очевидно, что в ее обществе ему некомфортно. Таким, как он, втиснутым в жесткие рамки условностей и предубеждений, трудно смириться с мыслью, что в мире существуют люди, отличающиеся от золотого стандарта. Но он хотя бы пытается перестроиться. Это хорошо, это дает робкую надежду, что она не пожалеет о своем опрометчивом решении. Они оба не пожалеют...

– Куда пойдем? – Ян с задумчиво-мечтательным видом смотрел в окно.

– Есть тут одно место. – Тина поправила сползающий чулок...

* * *

Тина привела его в маленькое кафе, с виду ничем не отличающееся от московских кофеен. Нет, пожалуй, кое-какое отличие все же было. Здесь пахло по-особенному: свежей выпечкой и свежесваренным кофе. Яну всегда казалось, что в Париже должно пахнуть именно так: кофе и сдобой, и еще чуть-чуть духами, обязательно горьковатыми, с нотками грусти и ностальгии. Надо будет купить Тине такие духи, чтобы реальность стопроцентно совпадала с фантазиями.

– Что будем заказывать? – Тина поставила свою торбу на один из свободных стульев, выжидающе посмотрела на Яна.

– А что здесь принято заказывать? – спросил он, разглядывая меню. Меню, ясное дело, было на французском, и он ни бельмеса не понимал.

– Все: супы, салаты, вторые блюда, десерты.

– Алкоголь?

– Ничего эксклюзивного, обычное столовое вино. Ну, что тебе заказать? Хочешь, чтобы я огласила весь список?

Ян еще раз заглянул в меню, понял, что на «оглашение всего списка» уйдет уйма времени, и, содрогаясь от собственного безрассудства, сказал:

– Полагаюсь на твой вкус.

Тина молча кивнула.

Когда принесли заказ, оказалось, что он зря опасался. Ужин был не просто съедобным, а очень даже вкусным. Особенно Яна впечатлил десерт – что-то вроде яблочного пирога с шариками ванильного мороженого.

– Что это было? – спросил он, доедая последний кусок.

– Это пирог «Татан». Вкусная штука, правда? – сказала Тина с набитым ртом. Она упивалась уже вторую порцию. И куда только все влезало? Нет, он не жадничал, просто было любопытно.

С ощущением сытости пришло и некоторое подобие душевного покоя. Ян откинулся на спинку стула, принялся исподтишка разглядывать посетителей кафе.

Надо же, настоящие парижане! Вообще-то, его больше интересовали парижанки, хотелось собственноручно убедиться, что они особенные существа: элегантные, сексуальные, с легким флером порока. Увы, результаты исследований его разочаровали: сидящие в кафе дамы ничем особенным не отличались от его соотечественниц, а кое в чем – чего уж там! – проигрывали. Даже неформальная Тина больше походила на парижанку, чем они.

– Что? – Тина поймала его раздосадованный взгляд. – Тебе не понравился десерт?

– Мне не понравились парижанки.

Она повертела головой, спросила удивленно:

– А где ты тут видишь парижанок?

– Ну, – Ян скосил взгляд влево, там за соседним столиком сидела молодая пара: оба упитанные, небрежно одетые.

– Это американские туристы, – Тина хитро улыбнулась.

– Откуда ты...

– Они выглядят как стопроцентные янки и, что гораздо важнее, разговаривают по-английски.

– Туристы, – разочарованно протянул Ян.

– Ну конечно, Париж – это же Мекка для туристов!

– А вон те две тетки? – Ян, теперь уже не особенно таясь, кивнул на сидящих за дальним столиком ширококостных блондинок с мужеподобными лицами.

– Думаю, они из какой-нибудь скандинавской страны, – Тина почесала переносицу.

– А официантка?

Девушка, обслуживавшая их столик, была молодой, весьма хорошенькой, но с такой все-ленской тоской в глазах, что погасить ее не могла даже профессионально вежливая улыбка.

– Эмигрантка. Скорее всего из Восточной Европы. У нее акцент специфический, – Тина наконец расправилась с десертом и так же, как Ян, откинулась на спинку стула. На ее размазанной мордашке появилось выражение глубочайшего удовлетворения.

– Ты так хорошо знаешь французский, что на слух определяешь акцент?

– Моя школьная училка была фанаткой французского. Дед тоже владел им почти в совершенстве, он несколько лет работал врачом в Сенегале, там и выучил язык. Дед называл это пассивным обучением. Когда мне исполнилось три года, он просто стал разговаривать со мной по-французски. Сначала я ничего не понимала, а потом как-то само собой получилось. В школу я пришла уже с приличным знанием разговорного языка, но без всякой теоретической базы, но там меня уже поджидала Эмма Савельевна, – Тина смешно наморщила нос. – В общем, с грехом пополам теорию я тоже одолела.

– А потом? – спросил Ян.

– Что – потом?

– Где ты шлифовала свой французский?

– Ну, пару лет назад познакомилась с одним французом, он из наших.

Ян не стал уточнять, что значит «из наших». И без того ясно, что знакомец Тины был готом.

– Арман, мой приятель, он сын мадам Розы, – сочла нужным объяснить Тина.

А, вот оно что!

– Теперь понятно, почему нас так тепло приняли – личные связи. А я-то грешным делом решил, что парижане – образец терпимости и человеколюбия. – Как Ян ни старался, а скрыть сарказм не сумел. Вот не нравилось ему, что Тина водила дружбу с каким-то там французским готом.

– Возможно, парижане и терпимее наших соотечественников, но ненамного, – Тина зевнула. – Такие, как я, предпочитают жить в собственном мире. Знаешь, у нас даже своя радиостанция есть, – сообщила она с гордостью. – И даже магазины специализированные. Одежда там, косметика, литература, украшения. Вот это, например, – она вдруг задрала блузку, обнажая впалый живот и тыча черным ногтем в пирсингованный пупок, – я купила в Лондоне.

Ян подавил острое желание прочитать этой безбашенной девице лекцию о правилах поведения в обществе, перегнулся через столик, взглянул на Тинин живот. Интересно же, что такое особенное она купила в Лондоне. В пупке красовалась серебряная сережка в виде крошечной летучей мышки. Странно, что прошлой ночью он ее не заметил.

– Красиво, правда? – Тина одернула блузку.

– Я не рассмотрел в деталях, – Ян судорожно сглотнул. Неожиданно и живот, и пупок, и сережка в виде летучей мышки произвели на него очень сильное впечатление. Настолько сильное, что ладони мгновенно взмокли.

– Еще рассмотришь. – В ее голосе не было обещания, лишь простая констатация факта.

Интересно, она что, в самом деле не понимает, как действуют на мужиков такие вот заявления? Нет, не может она быть такой наивной. В неформалы наивных не берут. Значит, играет, забавляется, как кошка с мышкой. И тогда в отеле тоже забавлялась, когда говорила про номер для новобрачных. Ребенок, маленький порочный ребенок. Только вот мысли и желания она вызывает совсем недетские. Кстати, интересно, сколько ей лет? Надо будет как-нибудь спросить.

– Куда теперь? – Кажется, Тине уже надоело в кафе.

Ян задумался. Эйфелева башня – вот первое, что пришло в голову. Пожалуй, знакомство с Парижем надо начать именно с нее.

– Давай к Эйфелевой башне.

Тина едва заметно нахмурилась, точно своей предсказуемостью он ее разочаровал.

– Что-то не так? – раздражение в голосе скрыть не удалось, да он и не особо старался.

– Да нет. – Она отмахнулась от его раздражения небрежно, как истинная парижанка. – Я просто думаю, как лучше туда добраться.

На душе сразу полегчало: девочка просто выбирала маршрут, а он уже навывдумывал бог весть чего.

Башню они заметили издалека: на фоне вечернего неба сияющий огнями стройный силуэт было невозможно не заметить.

– Ну как тебе? – спросила Тина таким тоном, словно Эйфелева башня была ее личной собственностью.

– Впечатляет, – признался Ян.

– Есть места, с которых виды намного живописнее. Я тебе потом покажу. Кстати, ты фотоаппарат захватил?

– Нет.

– Плохо, надо бы купить. Снимки на долгую память и все такое.

Снимки на долгую память... Где-то в самом центре черепной коробки проснулась боль. У него не будет никакой «долгой памяти» и будущего не будет. Он прилетел во Францию, чтобы увидеть Париж... перед смертью. Так зачем ему фотоаппарат?

Эйфелева башня вдруг утратила свою кружевную легкость, яркие огни больше не обещали нескончаемого праздника, а откровенно издевались. Эти огни и этот город будут жить вечно, а его не станет всего через каких-то пару месяцев...

– Ну что ты встал как вкопанный?! – Тина тянула его дальше, к огням-призракам и несбыточной мечте. Почему эта маленькая гопница не хочет оставить его в покое? Что ей вообще от него нужно?!

– Подожди! – Ян резко остановился.

– Что? – Девчонка растерянно захлопала густо накрашенными ресницами.

– Пойдем обратно.

– Обратно?! Но мы же уже почти пришли! Я хотела, чтобы ты увидел, что вблизи эта громадина выглядит совсем по-другому.

– Не сейчас. – Ян повернулся спиной к призывно подмигивающим огням. – Я хочу домой.

– Что-то случилось? – Тина попыталась заглянуть ему в глаза, даже на цыпочки привстала от усердия.

– Ничего не случилось, – усилием воли Ян подавил желание оттолкнуть ее. Или ударить, сильно, наотмашь... – Я просто устал.

Она, кажется, прочла его мысли, едва заметно кивнула, отошла на несколько шагов, сказала враз обесцветившимся голосом:

– Хорошо, пойдем домой.

* * *

Ян изменился в одно мгновение. Только что смеялся, расспрашивал о городе – и вдруг раз – человека точно подменили. Напряженное лицо, сжатые кулаки, взгляд такой, что становится страшно. И запах, тот самый запах, который она почувствовала еще на старом мосту: отчаяние и обреченность. А еще страх и непонятная детская обида на себя, на город, на нее... Что она сделала не так? Заговорила о фотографиях? Ну и что? Все туристы ходят по Парижу с фотоаппаратами – это почти закон природы. Псих! Она связалась со странным неуравновешенным типом...

Всю дорогу до гостиницы Ян молчал, заговорил только у круглосуточного супермаркета.

– Купи что-нибудь из выпивки. – На ладонь Тине легла смятая купюра.

– Что именно?

– Все равно что, главное, чтобы градус был повыше.

– Собираешься напиться?

Он посмотрел на нее пустыми глазами:

– Собираюсь. Можешь напиться вместе со мной.

Тина покачала головой:

– Не хочу.

– Дело твое. – Он больше не смотрел в ее сторону, он стоял, сунув руки в карманы джинсов. На ярко освещенной парижской улочке он выглядел даже не чужеземцем, а инопланетянином.

В магазине Тина старалась не задерживаться, то и дело поглядывала в окно, боялась, что Ян не дожидается ее и уйдет. Она выбрала бутылку шотландского виски, не самую дешевую, но и не слишком дорогую, расплатилась, пулей вылетела на улицу.

– Купила? – спросил Ян.

Тина заглянула ему в глаза и вдруг подумала, что для нее было бы лучше, если бы он ее не дождался. Как сказали бы дед и отец, она снова связалась не с тем человеком. В который уже раз...

* * *

...После той памятной весны их отношения с дедом стали налаживаться. Во всяком случае, Тине хотелось так думать. Нет, дед не стал ни мягче, ни добрее, но она все чаще ловила на себе его задумчивый взгляд. Казалось, дед что-то взвешивает, оценивает ее с каких-то только ему ведомых позиций. Тина не знала, к каким выводам он придет, но ей до слез хотелось, чтобы дед наконец просто стал ее замечать. А еще девочке очень хотелось заслужить его одобрение. Ей бы хватило взгляда, кивка, едва заметного движения неулыбчивых губ, чтобы понять, что дед ценит ее старания.

А она ведь старалась! Изю всех сил старалась. Круглая отличница в школе, хозяйка и мастерица дома. В неполных двенадцать лет Тина взвалила на свои плечи все домашние заботы. Под наблюдением бабы Любы научилась готовить, на уроках труда записывала в толстую тетрадь все, что могло пригодиться в дальнейшем, в школьном кружке научилась шить и вязать. На день рождения Тина связала деду свитер. Чтобы заработать денег на нитки, она почти три месяца присматривала по вечерам за соседскими детишками, неугомонными и жутко вредными близнецами, а потом еще полгода украдкой, в свободное от уроков и

домашних хлопот время, сверяя каждый свой шаг с инструкцией в модном журнале, вязала свитер. Она едва успела к дедову дню рождения. Чтобы довести дело до конца, ей даже пришлось пропустить два факультатива по французскому, и Эмма Савельевна очень ругалась и обзывала ее безответственной и легкомысленной особой. Зато она успела. Ранним утром, когда дед еще спал, прокралась в его комнату, прислушиваясь к взволнованному уханью своего сердца, положила свитер на прикроватную тумбочку рядом с дедовыми очками.

Тина надеялась, что дед увидит свитер и поймет наконец, как сильно она его любит, и скажет что-нибудь неожиданно приятное, что-нибудь такое, от чего за спиной вырастут крылья. Про крылья за спиной Тина вычитала в одном из любовных романов бабы Любы, и фраза ей страшно понравилась.

А дед ничего не сказал... Если бы свитер не перекочевал с прикроватной тумбочки в шкаф, Тина решила бы, что он просто не заметил подарок. Но свитер лежал в шкафу, на самой верхней полке, так далеко, что для того, чтобы до него добраться, Тине пришлось встать на табуретку. Дед не принял ее подарок – вот что это означало. Тина проплакала весь день, а к возвращению деда она уже приняла очень взрослое решение. Дед ее не любит и не полюбит никогда в жизни. Что бы она ни сделала, он останется равнодушен, значит, не нужно тратить нервы и силы на то, чтобы бороться за несбыточное. Каждый сам по себе! Надо привыкать жить с этой мыслью, тогда больше не будет разочарований и обид. Вот так, каждый сам по себе...

Так они и жили в маленьком мирке отчуждения и непонимания. Шли годы, но ничего не менялось в их сложных отношениях. Почти ничего. Когда Тине исполнилось четырнадцать, дед начал учить ее своему ремеслу. Он так и говорил – «ремесло», точно и в самом деле считал себя ремесленником.

Это были самые счастливые годы в Тининой жизни, она даже посмела надеяться, что у них с дедом может что-то наладиться. Она старалась как никогда раньше, она прилежно училась «ремеслу» и, кажется, делала успехи. А дед ее ни разу не похвалил: ни словом, ни взглядом. Когда внучку начинали хвалить другие люди, он хмурил густые брови и отворачивался, и тогда Тине приходилось до крови закусывать губы, чтобы не сказать ему что-нибудь резкое или, хуже того, не расплакаться. Силы она черпала только в одном – несмотря ни на что, дед продолжал ее учить.

Это случилось, когда Тине исполнилось шестнадцать. Первая любовь – чувство одновременно хрупкое и решительное, как мартовский подснежник. Кто бы мог подумать, что это может случиться с ней, отстраненной и рациональной до кончиков ногтей? Кто бы мог подумать, что она полюбит хулигана и двоечника Мишку Соловьева? Еще невероятнее было то, что Мишка полюбит ее.

После девятого класса они почти не виделись. Тина осталась в школе, а Мишке с его аттестатом не светило ничего, кроме ПТУ. Они встретились только спустя полгода на школьной новогодней дискотеке. Мишка, вытянувшийся и необыкновенно взрослый в своей черной кожаной куртке, пришел проведать одноклассников и увидел Тину.

Наверное, она тоже изменилась за эти полгода, потому что в глазах умудренного другой, взрослой, жизнью Мишки вдруг зажегся странный огонь. Весь вечер Тина чувствовала на себе его удивленно-задумчивый взгляд. Этот взгляд заставлял ее краснеть и ощущать окружающий мир размытым и нечетким, как некачественный фотоснимок. Она, умная и здравомыслящая, решила, что пора уходить, пока этот мир не заразил ее своей неправильностью.

На школьном крыльце ее ждал Мишка.

– Привет, Тинка-паутинка! – он произнес ее имя так, словно пробовал его на вкус.

– Привет. – Тина попыталась прошмыгнуть мимо, но Мишка поймал ее за шарф.

– Уже уходишь?

– Ухожу. – Она замороженно наблюдала, как он наматывает ее шарф на свой посиневший от холода кулак, как медленно и неуклонно сокращается расстояние, их разделяющее.

– Я тебя провожу. – Лицо его, сосредоточенное и такое взрослое, оказалось совсем близко. Тина даже сумела рассмотреть колючие щетинки на упрямом подбородке и снежинки, запутавшиеся в белесых ресницах. Щетинки и снежинки вдруг придали ей храбрости.

– Проводи! – голос почти не дрожал.

Они поцеловались в тот же вечер. Стоя в плохо освещенном подъезде, прижимаясь друг к другу холодными лбами, разглядывая собственные отражения в чужих расширившихся зрачках, они встретились озябшими губами и как-то сразу, одновременно поняли, что мир изменился и они изменились вместе с ним. Один-единственный робкий поцелуй сделал их взрослыми.

Первая любовь – как же это здорово! Теперь, когда у нее был Мишка, Тина поняла, что бабы-Любины романы не врут. Все в них правда: и замирающее от счастья сердце, и трепет от прикосновений, и дыхание одно на двоих.

Они встречались уже четвертый месяц, а Тине казалось, что прошел всего один день, так хорошо и радостно ей было с Мишкой. Ее Мишка вовсе не был тем равнодушным циником, каким хотел казаться. «Тинка-паутинка, это имидж. С волками жить – по-волчьи выть. Но ты не бойся, тебя я никогда не обижу».

Она и не боялась, потому что знала, что на самом деле Мишка хороший человек, просто чуть-чуть запутавшийся. Но это не беда, она ему поможет, кое-чему научит, кое-что внушит, расскажет, как ей видится добро и зло. И он изменится, поймет, что хорошее образование – это очень важно, что мир не ограничивается пределами старой заброшенной котельной, в которой обосновались его дружки-приятели. Что эти самые дружки, которых Мишка с непонятной гордостью называет братанами, на самом деле никакие не братаны, а пудовые гири, мешающие ему двигаться дальше и становиться лучше. Конечно, надо действовать неторопливо и осторожно, потому что Мишка упрям и вспыльчив и даже ей не позволит вмешиваться в свою «настоящую мужскую жизнь», но у нее обязательно все получится, потому что вода камень точит. Тина уже все распланировала и даже приступила к реализации кое-каких своих идей. У нее бы все обязательно получилось, если бы не дед. Дед разрушил ее мир и сломал ее саму.

Тина, с пеленок привыкшая к самостоятельности, даже подумать не могла, что в семнадцать лет это право у нее отнимут. Не то чтобы она держала в тайне свои отношения с Мишкой, просто с младых ногтей дед приучил ее к мысли, что ему нет до ее жизни никакого дела. Да и сама она уже давно смирилась, привыкла, что каждый сам по себе. Оказалось, что Тина ошибалась и плохо знала своего деда. Оказалось, что ему не все равно, с кем спит его внучка. Он так и сказал «спит», выплюнул это мерзкое слово прямо ей в лицо.

Был конец апреля, Тина вернулась домой глубокой ночью. Вернее, это по ее меркам половина одиннадцатого – глубокая ночь, а для большинства ее сверстников – детское время. Она бы вернулась раньше, но полчаса простояла с Мишкой в подъезде. Мишка не хотел ее отпускать, в перерывах между поцелуями тоже говорил про детское время. А еще про то, что они уже взрослые и встречаются чертовски долго, и вообще, ему уже мало одних только поцелуев. Нет, он ее не торопит и не заставляет, но, когда Тинка-паутинка решит, что им уже пора, он делает так, чтобы она ни о чем не пожалела.

Она вырвалась из его жадных объятий только в половине одиннадцатого, голова шумела и кружилась от дерзких Мишкиных слов. Он ее не заставляет, но она ни о чем не пожалеет...

Дома ее ждал дед. Он сидел на кухне перед чашкой остывшего чая. Тина точно знала, что чай остыл, чашка не парила, а дед любил чай исключительно горячий, она однажды украдкой отхлебнула из его чашки и обожгла язык...

– Пришла? – Дед не смотрел в ее сторону.

– Пришла. – Остывший чай должен был ее насторожить, но Тина слишком погрузилась в свои мысли.

– Где ты была? – Чай остыл, а изо рта деда с каждым словом вырывались облачка пара. Или это ей только показалось?

– Гуляла. – Тина уже хотела уйти в свою комнату, когда голос деда ожег, точно плетью:

– С кем гуляла?

– Ни с кем. – Она не врала, она просто не собиралась впускать его в свою личную жизнь.

– Не лги мне, – дед говорил тихо, но от гнева, сконцентрированного в его голосе, казалось, вибрировали стены. – Тебя видели с этим ублюдком.

– Мишка не ублюдок! – Тина могла оставить незамеченными нападки на себя, но оскорблять любимого человека она не позволит никому, даже деду. Особенно деду!

– Он именно ублюдок! – Дед встал из-за стола, отошел к окну. – Не проходит и дня, чтобы его банда не сотворила в городе какое-нибудь непотребство.

– Он не такой, – Тине захотелось объяснить деду, что ее Мишка становится все лучше и что очень скоро наступит такой день, когда он наконец расстанется со своими братьями.

– Он якшается с вырожденками и дегенератами, – дед не хотел слушать.

– А еще он якшается со мной, – сказала Тина шепотом.

– Значит, ты такая же, как они.

Спорить дальше было бесполезно. Тина и не стала, просто ушла к себе. Всю ночь она не сомкнула глаз, слушала, как за стенкой ворочается и по-стариковски глухо кашляет дед. Уснула она только под утро, убаюканная мыслью, что это даже хорошо, что дед узнал про них с Мишкой. Пусть он не одобряет ее выбор, зато больше не придется прятаться...

Новый день начался необычно: Тину разбудил не трезвон будильника, а голос деда:

– Вставай! Собирайся!

Едва она открыла глаза, дед тут же вышел из комнаты, словно даже дышать одним с ней воздухом ему было нелегко. Вылезать из теплой постели не хотелось, но Тина себя заставила. Уже умывшись и одевшись, девушка вспомнила, что сегодня воскресенье и в школу идти не нужно и спать можно было сколько душе угодно. Увы, у деда были свои планы на это славное воскресное утро.

– Готова?

Она молча кивнула в ответ.

– Тогда поехали.

– Куда?

Как водится, дед проигнорировал ее вопрос.

Они приехали в больницу, прошли по гулкому холлу, поднялись на третий этаж... в гинекологическое отделение. Их уже ждали: дородная дама с выбивающимися из-под белого колпака кокетливыми завитушками приветливо улыбнулась деду, окинула Тину внимательным взглядом.

– Вот, это моя... внучка, – сказал дед и нахмурился. – Анна Матвеевна, ты там сама... а я пока подожду в ординаторской.

– У вас внучка – настоящая красавица. – Тине на плечо легла мягкая ладонь. – Пойдем, дорогая, это не займет много времени...

– ...Твой дед зря волновался, – сказала Анна Матвеевна, снимая стерильные перчатки. – Не злись на него, девочка, просто он за тебя очень переживает, а сейчас такое время, – она покачала головой, – на улицах полно подонков. Но ты молодец, не потеряла голову. Пойдем, я с радостью сообщу об этом твоему деду.

– Не трудитесь! Я сама ему сообщу! – впервые в жизни Тина разговаривала со взрослым человеком так грубо. Раньше в этом не было необходимости, раньше ее не окунали с головой в грязь, раньше ей не требовалось защищаться.

Анна Матвеевна ничего не сказала, лишь грустно улыбнулась. Тина этой улыбки не заметила, она уже бежала по гулкому коридору, прочь из этого мерзкого места.

И не успела – дверь ординаторской распахнулась.

– Ты куда? – Дед поймал ее за рукав.

– Пошел к черту! – больше она не станет ни перед кем отчитываться, теперь она точно сама по себе.

Дед дернулся как от пощечины, повторил, чеканя каждое слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.